

ЖИТЬ ЯРЧЕ!

meKlogb

Смеклоф Жить ярче!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68828247

SelfPub; 2023

Аннотация

Вы уверены, что мечтать не вредно? Анастасия домечталась и проснулась. Не так, как просыпаются по утрам, а в параллельной Москве. Улицы и дома те же, только по Тверской бегают Чёрные коты, шатуны и ведьмы. «Прекрасных принцев» сразу три, но править будет только тот на кого укажут провидицы. В общем всё вывернуто наизнанку. Добро хуже зла, тёмное светлее белого, а самое разрушительное оружие – это любовь. Поэтому надо научиться жить по-новому: справиться со страхом, завистью и гневом, но при этом остаться самой собой. Иначе, высшее право решать свою судьбу – не заслужить!

Содержание

Глава 1. Чёрный кот	4
Глава 2. Оберег	44
Глава 3. Наставница	83
Глава 4. Обряд посвящения	112
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Смеклоф

Жить ярче!

Ты – женищина, ты – книга между книг, Ты – свернутый, запечатленный свиток; В его строках и дум и слов избыток, В его листах безумен каждый миг. Ты – женищина, ты – ведьмовский напиток! Он жжет огнем, едва в уста проник; Но пьющий пламя подавляет крик И славословит бешено средь пыток. Ты – женищина, и этим ты права. От века убрана короной звездной, Ты – в наших безднах образ божества! Мы для тебя влечем ярем железный, Тебе мы служим, тверди гор дробя, И молимся – от века – на тебя!

(Женищине, 1899 г.)

Валерий Брюсов

Глава 1. Чёрный кот

Глупо замирать посреди улицы, но он выглядел точь-в-точь как во сне. Такой же притягательный и необыкновенный. Повинуясь напряженно заколовшему сердцу, Настася сделала шаг. А парящий неподалеку Эрот достал стрелу, натянул тетиву и прицелился. Солнечные блики брызнули на оперение. Необузданное чувство слетело с лука, пронеслось над серой бесчувственной толпой и врезалось в её грудь.

Внутри всё сжалось. На короткий миг образ стал ярче и прекраснее, но стрела любви не пробила сердце насквозь, а отскочила, упала в грязь и потерялась среди десятков ног прохожих.

Настася вздрогнула и потянулась за незнакомцем, пытаясь продлить чудесный полёт. Но опаляющего чувства больше не было. Осталась пустота и недоумение.

– Ты чего? – удивилась подруга.

– Показалось.

– Пошли быстрее, перерыв закончится, а я есть хочу.

– Успеем.

Она перепрыгнула через низкое ограждение и вышла на трамвайные пути.

– Давай здесь перейдём! – крикнула Настася, оборачиваясь.

Мимо ларьков тянулся бесконечный поток людей. Сжатые, угрюмые лица. Скованные движения. Усталые мысли. А вместо подруги стоял притягательный незнакомец и обиженно качал головой.

– Нельзя быть такой легкомысленной! Везение отпугнёшь! – долетел его насмешливый крик.

Совсем рядом отчаянно заверещал колокольчик и взвизгнули колёса, но Настася не слышала их, не в силах оторваться от сияющего образа и прищуренных глаз. Из них изливалось волшебство. Тёплое, нежное, обволакивающее. Оно струилось вокруг, играло в волосах, щекотало шею, но вдруг

царапнуло по спине. Настася вздрогнула и сверкающая пелена потухла, отброшенная оглушительным звоном и скрежетом тормозов. Она начала заторможено поворачиваться... от удара её отбросило в сторону и последнее, что мелькнуло перед глазами, было испуганное лицо водителя трамвая.

Тьму и боль отогнал чужой голос.

– Сходите?

Её трясли за плечо. Несильно, но слишком навязчиво. Поэтому пришлось посмотреть.

– Сходите? – повторил сухой старик, с осуждением глядя на её отсутствующий вид. – Встанут у дверей и стоят! – громко добавил он и, отпихнув Настёну, пролез к выходу.

Она и правда зависла. Где она? Что здесь делает? А трамвай? Он ей что приснился?

– Чумовая! – бросил старик и соскочил на асфальт.

Двери закрылись и автобус дёрнулся с места. Настёна схватилась за поручень, чтобы не улететь в салон. Она что, уснула? Стоя как лошадь? Они вроде специально так спят, чтобы убежать при опасности. А ей-то чего бояться? Она оглянулась. Сонные люди не обращали на неё внимания. Лучше уж быть кобылой, чем ловить глюки. Она встряхнула головой. У неё в роду сумасшедших не было, вроде... Это всё от стресса: на работе конец сезона – все носятся как ужаленные. В институте последний семестр перед дипломом. Бабуля так заболела, что пришлось занимать деньги на крутые лекарства. Цены такие, будто таблетки волшебные – вы-

пьешь и сразу поправишься. Ещё эта геркулесовая диета. Так есть хочется, что уже сил никаких нет. Может, видение от нехватки витаминов? Скорее от всего сразу. Надо бы притормозить и выдохнуть, но времени на передышку нет. Начались преддипломные консультации и из офиса пришлось отпрашиваться с боем. Начальник недовольно жевал губу и дал отгул только после обещания отработать.

Она вышла на следующей остановке. До института придётся топать через парк, не ждать же другой автобус, чтобы проехать пятьсот метров. Идти пешком, а потом слушать нудную консультацию настоящий зашквар, но Настёна успокаивала себя, что это в последний раз. Через полгода защита и конец мучениям. Она устало вздохнула и свернула на заваленную жёлтыми листьями аллею. Октябрь выдался холодным и мокрым. На скамейке сидел молодой человек, поглощённый толстой потрёпанной книгой. Какой-то знакомый. Острые скулы и нос с едва заметной горбинкой напоминали...

– Притягательный и необыкновенный? – заморгав, выдохнула Настёна и остановилась.

Огляделась, словно из-за дерева должен был выпорхнуть крылатый мальчуган. Там, естественно, никого не было. Поэтому она облегченно хихикнула и подошла к скамейке.

– Извини, ты из нашего института?

Молодой человек недовольно оторвался от чтения и, подняв глаза, замер с открытым ртом.

– Не везёт», – проворчала она себе под нос. – Слишком необыкновенный.

И закатила глаза, собираясь уйти, но парень прочистил горло и хрипло выпалил:

– Во сне тебя видел.

Сердце сжалось, а воздух зазвенел от летящей стрелы...

– Берегись! – раздался испуганный голос и тот самый звон колокольчика.

Она только успела подумать: «Откуда в парке трамвай?», когда велосипедист хватаясь за прокручивающийся руль, влетел в неё на всей скорости. Настёну отбросило назад так, что затылок угодил в чугунную урну.

Снова темнота.

– Просыпайся! Вставай, лежебока, на работу опоздаешь!

Настя повернулась, не отрывая голову от подушки.

– Я отпросилась, – пробормотала она и испугалась собственных мыслей.

Конечно, бывает, когда снится, что спишь. Но видеть сон во сне, да ещё два раза умереть, встретив того самого – это уже чересчур! Она вскочила. В комнате ничего не изменилось: тот же старый компьютерный стол, встроенный шкаф и полка с телевизором. На окнах недавно купленные на распродаже шторы с крупными красивыми лилиями.

Она пригладила растрёпанные волосы. Институт уже в прошлом, да и не было рядом с ним никакого парка. А где в наше время стоят чугунные урны? Разве что на ВДНХ. Что

за ерунда приходит во сне?

Она встала и потянулась. Накинула халат и вышла в коридор.

– Ну, наконец-то! – крикнула с кухни мать. – Поторопись. Завтрак я сделала, но времени уже много.

– Успею, – буркнула Настя и заперлась в ванне. – Заболеть, что ли?

Сны словно высосали все силы и на реальную жизнь их уже не осталось. Многим хочется застрелиться по утрам, но не у всех в зеркале такое. Перекурносый нос, перепухлые губы и перераскосые глаза. Если бы не приставка «пере» со всем этим ещё можно было жить, а так оставалось только искать свой последний трамвай или велосипед.

Она включила воду, набрала в ладони и брызнула в лицо. Соберись, тряпка! Всё не так плохо, как кажется. Бывает и хуже, наверное... Вздвогнув от дверного звонка, она поморщилась. Кого ещё принесло с утра пораньше?

– Открой! У меня руки грязные, – крикнула мать с кухни.

Пришлось тащиться в прихожую, но, заглянув в глазок, она окончательно проснулась и с невнятным писком прижалась лбом к двери. На лестничной площадке переступал с ноги на ногу парень из сна. Так ведь не бывает? Это уже безумие какое-то!

– Кто там? – не своим голосом спросила Настя.

– Сосед новый! – крикнул молодой человек. – Не сверлите, пожалуйста, у меня штукатурка с потолка сыпется!

– У нас дрели нет! – ответила Настя и съехала на пол.

Так с ума и сходят: сначала бредовые сны, потом галлюцинации, а дальше крутые, дорогие волшебные лекарства.

– Кто там? – выглянула из кухни мать, вытирая руки полотенцем.

– Тебе снились мужчины, которых ты потом встречала? – растерянно спросила Настя, поднимаясь с пола.

– Постоянно.

– Я серьёзно!

– Давай завтракать и бегом собираться, а то опять опоздаешь!

Настя надула губы, но тут же одёрнула себя. Куда их ещё надувать и так на пол лица. А вот заставить себя уйти, не заглянув в глазок, не получилось. Она снова прижалась к двери. Пусто! Галлюцинация растворилась. Поэтому пришлось-таки встретиться с геркулесовой кашей, ожидавшей её за столом. Сразу вспомнился сон. Теперь понятно откуда она там.

– А папа тебе снился?

– Вот ещё, – глухо проворчала мать. – Хотя исчез как сон. Это уж точно.

– Извини, – пробормотала Настя.

Отец их бросил. Его образ давно померк и воспоминания приходили всё реже. Забылась внешность, как он говорил и смеялся, но тоска, несмотря на мамину желчь, осталась. С ней так просто не расстанешься. Отвлекали всякие дурацкие

мелочи. Вроде мерзкой склизкой каши. Правда на неё ещё надо было настроиться. Сделать несколько глубоких вдохов. Смотреть строго перед собой. Отключить обоняние, вкус и чувство самосохранения. Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Тогда вязкая жижа быстро проскакивает, особенно если запить её чаем.

Настя показала чистую тарелку, чмокнула мать и побежала одеваться. Второй раз за неделю опаздывать не стоило. Начальник обязательно впаяет штраф. Тем более, завтра суббота и можно будет вдоволь отоспаться. Скоро мучения закончатся!

Она вздрогнула. Дежавю прямо-таки преследовали. С этим надо что-то делать. Если так пойдет дальше, можно заработать нервный срыв. Стоит посоветоваться с Машкой, она психфак заканчивала. На ходу настрочив смс, Настя втиснулась в рабочую блузку и подхватила сумочку. Крикнула до вечера и выскочила из квартиры, захлопнув дверь. Вниз она всегда спускалась пешком. С четвертого этажа недолго, да и какая-никакая, а тренировка. Каша кашей, а физические нагрузки тоже нужны. Нельзя же целый день задницу просиживать.

После безумного утра день не мог взять и вдруг стать обыкновенным. У почтового ящика торчал новый сосед, напевал какую-то мурню под нос и гладил развалившегося на перилах чёрного кота. Обернувшись на топот, он улыбнулся.

– Здравствуйте!

– Доброе утро, – пробормотала Настя, оступилась и подвернула ногу. – Ай!

Прихрамывая, она спустилась к двери.

– Вам помочь?

Она даже не оглянулась. Парень из сна приносил одни несчастья. От него, как от чёрного кота, лучше переходить на другую сторону улицы. Зачем эта галлюцинация вообще переехала в её дом? Нога болела, и пока она доковыляла до остановки, успело уехать два автобуса. А следующий, как назло, не торопился. Он и ехал потом так, что обгоняли пешеходы. В общем, на работу она всё-таки опоздала. Хотела незаметно прошмыгнуть в офис, но натолкнулась на того, кого меньше всего хотела встретить. Начальник заторможено крутил ложку в кружке, перегородив весь коридор перед кофейным аппаратом.

– Опять опаздываем, Хвостова? – вместо приветствия хмуро проворчал он.

– Доброе утро! Я ногу подвернула, – ответила Настя. – Может, даже сломала, но всё равно героически доскакала до работы.

– Штраф за опоздание, чтобы скакала побыстрее, – буркнул он и побрёл к своему кабинету, продолжая долбить ложкой по краю кружки.

– Тебя бы сначала трамваем сбило, потом велосипедом, а сверху урной по голове. Я бы на тебя посмотрела, – прошептала Настя и, поздоровавшись с секретарем на ресепшене,

похромала к своему столу.

День не заладился.

Компьютер не хотел грузиться. Телефон выдавал короткие гудки. Подписанный директором договор, который она забыла вчера отправить с курьером, некстати подвернулся под чашку и жадно впитал утренний чай.

– Надо было заболеть, – обиженно протянула Настя, пытаюсь спасти договор, но заварка, как назло, попала именно на чернила, и подпись расплылась. А когда на мониторе наконец-то появилось изображение, куда-то запропастились все ярлыки.

– Я проклята!

Пусть снова под трамвай, велосипед, лишь бы проснуться и начать всё заново. Она сжала виски.

– Ну, пожалуйста.

Зазвонил телефон.

– Тебя ждут в переговорной! – сообщила секретарь.

– Кто?

– Какое-то общество или объединение ОТКП... Сама разбирайся!

– Я таких не знаю! – вскрикнула Настя, но связь уже оборвалась.

Она резко вскочила, и окаянная чашка совершила вторую подлость за пять минут. Перевернулась и обрызгала блузку, расплывшись пятном ещё и по брюкам. Вытираясь на ходу салфеткой, сдерживая предательские слезы, Хвостова бро-

силась в туалет. Привела себя в порядок, повторяя что всё хорошо и у самых крутых профессионалов бывают промашки, но от этого они не перестают быть профессионалами.

– То что не убивает, делает нас наглее, – уверенно сообщила она зеркалу и пошла в переговорную.

Пресловутое объединение ОТКП прислало сразу двух представителей. Встать при встрече они не потрудились. Молодой, но уже седой парень сразу расставил приоритеты:

– Ваше портфолио рассмотрено! Но мы отдадим контракт только при вашей максимальной лояльности.

Настя выдавила дежурную улыбку и села напротив. Второй оторвался от планшета и уставился на неё с победоносной улыбкой, от которой у неё задёргалась щека. Подруга Машка тут не поможет. Лекарства от галлюцинаций назначает только психиатр.

«Притягательный» и необыкновенный протянул визитку, а седой продолжил давить:

– Вы согласны?

– Одну минутку, – попросила Настя и выскочила из переговорной.

Что происходит? Он её преследует? Но залезать в сны не научились даже самые навязчивые ухажеры. Так ведь бывает только в фантастическом кино. Да и то, только если на дурнушку сваливается неожиданное наследство, о котором она ничего не подозревает. Женихи сразу выстраиваются в очередь и превращают серую жизнь в сплошную романтику, но

в реальной жизни всё наоборот. Да и никакого наследства у неё нет!

Она передумала идти за своей визиткой и вернулась в переговорную, сразу уставившись на несчастливую галлюцинацию.

– Что вам от меня нужно?

Он улыбнулся.

– Какая вы хваткая! Помимо лояльности нам нужна...

– Конкретно от меня? – разозлилась Настя, но в ответ получила только новую порцию ухмылок.

– С вами всё в порядке? – уточнил седой.

– Нет! – вскрикнула Хвостова.

– Тогда, я поищу кого-нибудь более уравновешенного.

Он задрал подбородок и гордо вышел, а противная галлюцинация исчезать не собиралась. Медленно поднялась из-за стола, потянулась, обошла кругом и шепнула в ухо.

– Два фантома скочурились. Очередь за тобой и ещё одной несмышлёной девицей. Не скажешь, где её искать? Может зачтётся...

– Я куплю перфоратор! – пообещала Настя.

Его лицо растянулось в невообразимой улыбке. Как у кота из мультика про Алису. Он встряхнулся и грациозно вышел за дверь, просунув напоследок руку и дурашливо помахав на прощание. Почему-то от этого стало совсем жутко.

Настя осталась в переговорной, пытаясь собраться с мыслями. По спине бегали мурашки, а от недоброго предчув-

ствия холодели руки. Время тянулось медленно, скрежеща минутной стрелкой по настенным часам. Решив, что всё равно не сможет работать в таком состоянии, она пошла к начальнику.

– Извините, – жалобно проговорила Настя, заглянув в кабинет. – Мне нужен отгул, я себя плохо чувствую.

– Проходи, садись.

Он снова пил кофе. Когда только успевает наливать.

– Наши партнеры не получили договор.

– Я случайно пролила на него чай. Я всё исправлю! – завила Настя.

– Представители ОТКП решили, что ты неадекватная и будут сотрудничать с другой.

– Там, мой, снизу, – жалко пробормотала Хвостова.

– Ты систематически опаздываешь на работу. У тебя двадцать пять незакрытых договоров. Самая низкая эффективность в департаменте.

– Я...

– Ты можешь идти домой, – перебил начальник. – И в понедельник можешь не приходить. Расчёт получишь в бухгалтерии.

Настя кивнула и закрыла за собой дверь. А что ещё ожидать от такого дня? Теперь остаётся одно – месть. Найти и убить соседа снизу – он заслужил. Глупость конечно, но она так злилась. Молча собрала вещи и не отвечая на вопросы коллег, вышла из офиса. Мама расстроится. Теперь бегать,

работу искать. Опять нервотрёпка... Отвлёк зазвонивший телефон. Взглянув на экран, она прижала мобильник к уху.

– Привет, Маш! Да, хочу встретиться. Да хоть сейчас, меня с работы выгнали. Давай в нашей «Шоколаднице».

Настя спустилась на улицу. До кафе можно было дойти пешком, но нога по-прежнему болела. О поездке на трамвае не хотелось даже думать. Такси дорого, а безработным надо экономить. Оставалось метро.

Доковыляв до ближайшей станции, она спустилась по эскалатору и попала в давку. Под землёй непрекращающиеся людские пробки стали таким же проклятьем, как на дорогах.

– Почему вы все не на работе? – проворчала Настя, пробиваясь к платформе.

– Поезда следуют с увеличенным интервалом, сохраняйте спокойствие! – объявили по громкой связи.

Кто-то дёрнул за сумочку. Хвостова обернулась, но в этот момент её толкнули. Она оступилась, и подвернутая нога взорвалась от боли. Ойкнув, она сделала ещё один неловкий шаг к приближающемуся поезду. Люди как будто специально расступились, и бездна с грязными шпалами и рельсами приблизилась. Настя покачнулась. Ещё чуть-чуть. Она пыталась удержать равновесие, но сила тяжести клонила её вниз. Оставалось только кричать и звать на помощь, но в горле встал сухой ком, так что не вырвался даже писк. Зато чья-то рука ловко вцепилась в локоть и потянула назад на платформу.

– Полегче, милочка, – ласково шепнула дама в длинном старомодном платье, перчатках и странной плоской шляпе.

– Спасибо, – ошалело пролепетала Хвостова, но из открывшихся дверей хлынул поток пассажиров, и её спасительница потерялась.

С трудом выдержав одну остановку в душном вагоне, Настя выскочила на станцию и, старательно перепрыгнув начало эскалатора, поднялась наверх. Непрестанно усиливающиеся неприятности становились всё опаснее. Добираясь до кафе, она чуть не попала под выскочившую из подворотни машину. Водитель не только не извинился, а ещё и обругал последними словами. Поэтому в «Шоколадницу» она ввалилась всклокоченной и бледной. Заказала «Облепиховый твист» и с чувством решительного мазохизма самый калорийный салат.

– Ещё и пирожное съем, – мстительно заметила она своему отражению в окне.

Маша пришла через пять минут. Как всегда самоуверенная и нелепая в своих огромных очках. Мужикам нравился вид школьной училки, видимо поэтому серой мышке, в отличие от более эффектной Насти, всегда доставалось больше внимания.

– Что с тобой стряслось? – чмокнув подругу в щёку, спросила она и заказала кофе.

– Парня встретила. Трамваем сбило, потом велосипедом. Сосед снизу припёрся на работу, видите ли из-за меня у него

штукатурка сыпется. Меня уволили, а он только ухмылялся, – затараторила Настя. – Если затоплю его, мне станет лучше?

– Обязательно, только объясни всё по-порядку.

– Сама не понимаю. Мне уже страшно...

Она рассказала о метро и машине, прибавила пролитый чай и подвёрнутую ногу. Картина действительно вырисовывалась жуткая.

– Считается, что человек сам создаёт себе проблемы через подсознание, чтобы обратить своё внимание на то, что делает неправильно.

– Я что сама во всём виновата?

– Обычно да. Но сейчас, нет, – протянула Маша, крутя в руках кружку. – Тут что-то другое. Как бы это не прозвучало от меня, но психология тут бессильна...

– Шутишь? – ещё сильнее нахмурилась Настя.

– Нет! Тебе нужен колдун!

– Ты меня ещё на битву экстрасенсов отправь.

Маша поморщилась.

– Если ты не веришь, это плохо. Значит не поможет.

– Ну уж если колдовство не поможет...

– В церковь сходи, свечку поставь.

Настя закатила глаза.

– Ты сегодня в ударе. Ещё астролога предложи.

– А что! – поправив очки, заметила Маша. – Может у тебя сегодня неудачный день?

– У меня вся жизнь неудачная.

Она без аппетита поклевала салат, но вопреки обещанию пирожное заказывать не стала. У кого-то от стресса начинался жор, а у неё наоборот, кусок в горло не лез. Хотелось куда-нибудь спрятаться, свернуться калачиком и ни о чём не думать.

– Ты торопишься? – заметив, как подруга косится на часы, спросила она.

– Прости, позвони мне вечером. Я обязательно что-нибудь придумаю, посоветуюсь с кем надо. У меня сейчас солидный клиент, не могу его отменить. Всё будет хорошо. Держи хвост пистолетом!

Не убеждённая Настя кивнула. Допила облепиховый компот и долго смотрела вслед подруге. Домой не хотелось. Иначе придётся рассказывать матери про работу, а этот неприятный разговор хотелось отложить до понедельника. Она тоскливо уставилась на жёлтые деревья за окном, пока не заметила ту самую плоскую шляпу и решительно встала. Случайности перешли все положенные границы. Пора переходить в наступление! Вылетев на улицу, она подбежала к той самой даме, расхаживающей посреди аллеи с плакатом «Честное гадание на суженого». Рядом, за сеткой шёл какой-то ремонт. Что-то доказывали на ломаном русском гастарбайтеры и ругался здоровенный рыжий прораб. Летела пыль и валил вонючий дым от сварки.

– Спасибо большое! – искренне проговорила Настя. – Не

успела вас поблагодарить. Вы меня спасли. Как вас зовут?

– Варвара.

– Очень приятно. Благодарю.

– За что? Два твоих фантома уже погибли. Если так продолжится...

– Вы за одно с этим?

На огороженной площадке взвизгнула электропила.

– Твоя судьба...

– Что? – ошарашенно переспросила Настя, отступив на шаг назад.

Из-за шума она плохо расслышала. А может вообще показалось? Но плакат «Честное гадание на суженого» говорил об обратном.

– Позволь посмотреть, – попросила Варвара и дёрнула спасённую девушку за руку. – Линия судьбы исчезла! – испуганно вскрикнула она.

– Вы что, сектанты?

Ладонь удалось вырвать, попытка побега провалилась. Со стройплощадки завопили.

– Берегись!

Забор смело. Из пыльного облака вылетела труба с приваренными кусками арматуры и накрыла её.

Темнота и боль. Это уже не просто невезение, а самый настоящий кошмар.

Щипало пересохшие глаза.

Анастасия несколько раз моргнула и с сомнением посмот-

рела в монитор. Где она? Стол, ноутбук и махровый халат. Дома! Простуда сжала горло, нос даже с каплями отказывался дышать, а тело бросало то в жар, то в холод. Она всё ещё пыталась работать, но больная голова обещала свести на нет все усилия. Лаконичный современный дизайн на глазах расползлся в какой-то колхоз.

– Ночью снится трамвай и велосипед. Днём долбанутые строители. Что дальше? – пробормотала она. – Маньяк-убийца?

Не найдя на экране ничего интересного, она переползла на диван и завернулась в одеяло. Размышления попытались пробиться через тяжелую, опухшую от простуды голову и сообщить, что не бывает таких снов и видений. Что проблемы слишком серьёзны, чтобы не обращать на них внимания, но не смогли. Хотелось спать и ни о чём не думать. Глаза слипались и под тяжелыми веками уже вырастали из тьмы другие миры. Мрачные и беспросветные. Давящие и бесконечные. В них не было ничего кроме липкого страха и отчаяния.

Она смотрела под ноги и боялась пошевелиться, чтобы не привлечь к себе внимание. Но её всё равно потянуло вперёд и вверх. Сопротивляться было бесполезно. Сияющее золотое пятно, похожее на подкову, нет на какой-то древний музыкальный инструмент со струнами, вибрировало и заставляло её душу отзываться и трепетать. Чарующая музыка успокаивала, а слова щекотали уши: «Слышу, слышу шаг твой нежный, шаг твой слышу за собой. Мы идем тропой мятежной

к жизни мертвенной стопой».

Она не хотела возвращаться. Не хотела лезть наверх к ослепляющему свету. Её устраивал покой, тьма и пустота. Но чтобы воспротивиться волшебной музыке, надо было вспомнить название инструмента. Арфа? Нет, что-то такое же древнее, но...

Оглушительный звонок разметал всё в клочья, и заставил Анастасию выбраться из-под одеяла. Она нехотя добрела до двери и, сощурившись, посмотрела в глазок. Молодой человек с острыми скулами и горбинкой на носу переминался с ноги на ногу.

– Не шумите, пожалуйста, – гаркнул он. – Я с ночной смены, спать хочу.

Анастасия распахнула дверь, чуть не задев его по плечу.

– Ты кто такой? Что тебе от меня надо? – закричала она.

Парень отступил на шаг и улыбнулся.

– Три-ноль. Ты следующая!

– Что? – Анастасия хотела пнуть его ногой, но он ловко отскочил и сбежал по лестнице.

– Тебе конец! – весело крикнул он с другого этажа.

Она захлопнула дверь и закрыла на цепочку. Потом на задвижку. Прошла на кухню и поставила чайник. Что происходит? Всё окончательно запуталось и перемешалось в голове. Она смутно помнила какой-то трамвай. Потом вроде бы парк. Дальше противный начальник и потерянная работа. Варвара в плоской древней шляпе. Разве обычному челове-

ку снятся такие правдоподобные, слишком подробные сны с предысторией? Или она сходит с ума? Вот подумала, почему мамуни нет дома? Но они давно не живут вместе, а память настаивает, что с утра её разбудила мать и приготовила овсянку. Ужас какой! Мерзкая каша с липкими комками. Вот только если всё это приснилось, а на самом деле она пыталась поработать, то почему этого не помнит?

Анастасия налила чай, добавила мёда и вернулась в комнату. Забралась под одеяло вместе с чашкой. Отпила. В сневидении её звали Хвостова, а по-настоящему Хвостикова. Ещё одно дурацкое совпадение или издёвка подсознания? Дотянувшись до ноутбука, она вбила в поисковую строку фамилию из сна. Выскочило несколько вариантов. «В результате несчастного случая на Сиреневом бульваре погибла девушка. Из-за нарушения техники безопасности при проведении строительных работ в районе дома 2А скончалась двадцатисемилетняя Хвостова А.Н...»

Анастасия выронила чашку, залив подушку кипятком. Взвизгнула, горячий чай пролился на коленку, и подскочила, потирая ногу. Быстро шмыгнула за стол. Ещё раз перечитала новости. Поискала в других Интернет-изданиях. Везде одно и то же. Несчастный случай и скоропостижная смерть.

Не вспомнив других фамилий, она набрала «девушку задавил трамвай». Электронные газеты выдали «Сегодня в первой половине дня вблизи станции метро Войковская двадцатилетняя гражданка Хвостовская по нелепой случайной-

сти погибла под колёсами трамвая...».

Анастасия закрыла лицо руками. Непонятно из-за чего и почему она вдруг стала экстрасенсом и видит смерть своих однофамилиц. Кто же тогда этот парень с острыми скулами и зачем он её преследует?

Подобрав стакан, она повесила подушку на стул, чтобы просушилась. Взяла градусник и сунула подмышку. Может у неё огромная температура и бред? Может пора вызывать скорую? Но ртутная полоска остановилась на тридцать семь и две и дальше подниматься не собиралась. Значит всё дело в лекарствах. Наверное, какая-то побочка. Она выпила антигистаминные и легла. Надо больше пить, спать и ни о чём не думать. Только не как у мамуни. Только не как у неё... Нет, всё это какая-то ерунда! На самом деле такого не бывает. Вот выздоровит, потом будет разбираться, что к чему. Дома она в безопасности. Ни маньяков, ни строителей, ни тем более трамваев, здесь точно нет. Она продолжала убеждать себя, ожидая спасительную дремоту, но вместо этого услышала отдалённый стук. Слишком ритмичный, чтобы оказаться случайным. Кто-то упорно бил по двери. Анастасия встала и на цыпочках прокралась в коридор. Если это снова тот парень, самое время вызвать полицию. Она заглянула в глазок, но там красовалась плоская шляпа.

– Открой! Мне нужно с тобой поговорить! Тебе грозит опасность!

– Вы что цыганка?

Дверь приглушила дурацкий вопрос, но Варвара всё равно расслышала.

– А что похожа? Я пытаюсь сохранить хотя бы эту твою жизнь. Совсем не хочешь жить?

– Кто вы? Как меня нашли?

Анастасия прижалась головой к холодной планке с цепочкой, но туман рассеиваться не собирался. Может быть это всё-таки не на самом деле?

– Помнишь скуластого в чёрной одежде? Это чёрный кот. Он приносит несчастья. Его послали, чтобы уничтожить каждого фантома твоей души.

– Вы сумасшедшая?

– Тогда ты тоже, – отрезала Варвара. – Три смерти в один день. Ты должна всё прекрасно помнить! Обычно люди ментально забывают жизнь своих фантомов. Списывают на сны, на усталость и болезни. На плохое настроение, галлюцинации и психические заболевания.

– Я нормальная, – пробормотала Анастасия и повернулась к зеркалу в прихожей, но вместо отражения в нём застыло бесформенное пятно.

Стекло тихо лопнуло и расплзлось трещинами. Её передёрнуло, всё это уже чересчур. Мамуня всегда говорила, что зеркала – это зло. В них смотрятся одни эгоистки, а фотографируются только тупицы. Но сколько бы негативной энергии они не собирали, вот так вот трескаться, это уже за гранью... Надо успокоиться. Такого не бывает. Она спит. Сама

не заметила, как уснула. При температуре такое бывает. А значит ей ничего не угрожает. Ведь сон не может навредить человеку?

– Что вы хотите?

– Помочь. Иначе зачем бы пришла? Впусти меня.

Анастасия сняла цепочку, открыла дверь и махнула в сторону кухни. Может так всё быстрее закончится? Сон ведь не может длиться вечно.

Варвара склонила голову, но прежде чем войти сделала странный знак. Сомкнула пальцы и потёрла один о другой, а потом махнула рукой направо и налево. Табличку «Честное гадание на суженого» оставила в прихожей, а полиэтиленовый пакет взяла с собой. Только сняла длинный чёрный плащ. Оказывается, на ней было не платье, а непонятная хламида, из тех что когда-то носили римляне или греки, с яркой драгоценной фабулой на плече.

Хвостикова заперла дверь на замок и завела гостью на кухню.

– Чаю хотите? Не знаю, что предлагать вымышленным дамам из сна...

– Ах вот, почему ты меняпустила. Я уж начала волноваться, что у тебя кукуха поехала, – проворчала Варвара. – Но если тебе так легче, пока думай, что спишь. Запомни на всякий случай, что обращаться надо кирия, а не дама. У эллинов так не принято. К мужчинам кириос. А чай я буду, но сначала покажи руку.

Анастасия вспомнила аллею и строительную площадку, прикосновение холодного металла. Пальцы задрожали, но она всё-таки протянула ладонь тыльной стороной вверх, так что задрался рукав пижамы.

– Пока всё хорошо, – успокоила Варвара. – Ты не выходила из квартиры, когда пришёл черный кот.

– Нет. Я его прогнала.

– Ну да, смелостью такие не блещут. Хорошо, что не выходила, значит, у тебя есть время и возможность всё изменить. Наливай чай. Я пока начну рассказывать, – женщина поправила шляпку и уставилась в пустой коридор, будто что-то там видела. – Твоя судьба найти истинную любовь, объединить фантомы и получить высшее право самой выбирать как жить.

– А разве не все так могут?

Чайник был ещё горячий, поэтому сильно греть его не пришлось, только заварку обновить.

– Вы зеленый пьёте?

– Ты вот девочка вроде взрослая, а всякие глупости говоришь.

– Вы не любите зелёный чай? – не поняла Анастасия.

Варвара усмехнулась.

– Жить как хочется, не может почти никто. Есть куча правил, ограничений и традиций. Они любого замыкают в такие рамки, что с трудом получается жить даже как получится, не то что как хочется. Поэтому высшее право даётся только

тем, кто его заслужит. Так решили олимпийцы – так тому и быть. Истинные судьбы людей открываются пророчицам, а те передают эти знания логосу и богине.

Хвостикова налила чай и поставила на стол вместе с маковым рулетом.

– Самый дурацкий сон в моей жизни. Какое-то безумное кэрролловское чаепитие. Чеширский кот есть. Вы, видимо, Болванщик, раз меня оболваниваете, а я по вашему Мышь-Соня? Совсем за дуру меня держите? Какие богини, логосы и пророчицы?

– Логос только один, – поправила Варвара, отхлебнув чай. – Это спутник богини. Она выбирает его раз и навсегда. Так повелось ещё с Древней Греции. А пророчицы указывают будущих богинь и поддерживают хрупкий мир в обществе тех кто проснулся.

– Ну, допустим, – нахмурилась Анастасия. – Причём тут я?

– Прошлой зимой случилось страшное несчастье. Мы потеряли богиню. Я лишилась одного из своих фантомов. Много чего произошло. Не мне тебе об этом рассказывать. Главное, что тебя выбрали. Ты можешь стать новой богиней ОТКП...

– Чего? – вздрогнула Хвостикова.

Эта аббревиатура уже была во сне и не принесла ничего хорошего. Тот седой грубиян и парень от которого одни неприятности, были, именно оттуда.

– ОТКП – Общество Тех Кто Проснулся. Как его только не называли в разные времена. От древних гетерий до... но это неважно. Пока не выбрана новая богиня, логос всем управляет, и сейчас и тогда. Он не хочет терять власть. Поэтому воспротивился пророчеству и запретил тебя будить.

– Так я все-таки сплю! – заулыбалась Анастасия.

– Все люди спят и не видят реальной жизни. Или не хотят видеть. Это почти одно и то же. Но я тебе помогу!

– Лучше не надо. Моя мамуня всегда всё видела по-другому. И что? Ничего хорошего! Даже известным фотографом не стала. Зато заработала обсессивно-компульсивное расстройство...

– Его нельзя заработать! Навязчивые состояния – это врожденный дефект. Правила, конечно, для того, чтобы их нарушать, но не все...

– Тогда как вы меня разбудите? Логос же запретил?

Варвара поморщилась и будто нехотя призналась.

– Сама бы я не решилась, но долги надо возвращать. У нас по-другому нельзя. Нарушать слово слишком опасно. Говорю же, некоторые правила не обойдёшь. Это закон ОТКП. Я и сейчас рискую, но так, по крайней мере, больше шансов уцелеть. В крайнем случае, расплачусь ещё одним фантомом.

Анастасия скривила губы.

– Не хочу быть богиней, и власть мне не нужна. Скажите ему, что я сплю и не буду просыпаться, тогда он прекратит

подсылать ко мне всяких котов...

– Если бы всё было так просто. То, что ты можешь стать новой богиней недавно узнали все. С тобой безопаснее разделиться.

Хвостикова шмыгнула носом и отщипнула кусок от макового рулета.

– Это уже не сон, а кошмар какой-то. Как от него проснуться? Мне уже надоело. Коты все эти, логосы, вы...

Она сбилась, поморщилась и отхлебнула чай.

– У тебя есть зеркало, которое можно перенести в прихожую? – уточнила Варвара. – Лучше большое.

– Там всё равно нет моего отражения, – отмахнулась Анастасия. – Этот сон максимально чокнутый.

– Так есть?

– Нееет!

– Ладно, разберёмся с этим позже. Давай, для начала прогоним кота.

– Да делайте, что хотите. У меня уже сил никаких нет.

Варвара подняла на стол полиэтиленовый пакет и вынула кулёк со странно знакомым запахом.

– Что это? – устало пробормотала Хвостикова.

– Мяун, кошачья трава.

– Валерьянка?

– Ты должна перейти ему дорогу. Чёрные коты этого не любят. Но сначала заманим его в ловушку. Иначе будет сопротивляться, а ты ещё не проснулась. Могут возникнуть

проблемы.

– Тогда всё это закончится?

Варвара не слишком искренне кивнула.

– Его чары долго не действуют, поэтому он бродит рядом. Наверняка уже твой дом пять раз оббежал и всё пометил. Ты не выйдешь из подъезда, чтобы не пересечь его следы. А когда пересечёшь, неприятностей не оберёшься.

– Трамвай задавит? – фыркнула Анастасия.

– Он не многомерный, как ты или я. Фантомов у него нет. Энергия поступает очень медленно, вот и ворует её у других. Питается как может. Поэтому, когда находит не до конца проснувшегося – у него пир. Только вряд ли он сам тебя нашел. Подослал...

– Логос?

– Да кто его знает! – разозлилась Варвара. – Ты будущая богиня. Думаешь все этому рады? Совсем наоборот. Встречать с распростёртыми объятиями тебя не будут. Готовься к зависти и ненависти.

– Спасибо не надо! – буркнула Хвостикова. – Варите своё зелье и убирайтесь из моего дома и сна.

– Могу вызвать тебе скорую, пусть они с тобой сюсюкаются, мне уже надоело. Только в больнице он с тобой быстро разделается.

Анастасия вздохнула и полезла в ящик за кастрюлей.

– Наливай воду, – скомандовала Варвара. – Пусть закипит. У нас не лекарство, нам запах нужен.

Хвостикова сделала огонь на полную и повернулась к гостю.

– А дальше что?

На столе появился маленький горшок. Вверх торчал длинный стебель с треугольными листьями и мелкими белыми бутонами с фиолетовым отливом.

– Кошачья мята. Десять минут будет в полной нашей власти.

– Кастрируем? – не сдержалась Анастасия.

– Зачем? – удивилась Варвара, но сразу нахмурилась. – Ты лучше побеспокойся, чтобы самой при своём остаться!

Когда вода закипела, она деловито забросила корни валерьяны. Поставила посреди кухни табурет, водрузила на него кошачью мяту и пошла в прихожую открывать дверь.

– Теперь ждём!

Хвостикова закатила глаза. Если это не сон, совсем скоро ей придётся рассказывать полиции, что её загипнотизировали и вынесли всё ценное из квартиры. Что во всём виноват чёрный кот и пожилая женщина с плакатом «Честное гадание на суженого». Вот тогда её и отправят в больницу к остальным обладателям большого количества личностей. Как сказала бы Маша: «Осенью у шизофреников обострение, другие «Я» начинают активную борьбу за власть». Вот только Маши не существует. Она есть только во сне. Вместе с Хвостовыми и Хвостовскими, или как их там? Но для психушки сойдёт, там многие советуются с выдуманными по-

другами.

– Окно открой, чтобы сквозняк был. Так до него быстрее дурман дойдёт! – Варвара глубже натянула шляпу и, потирая пальцы, призывно зашептала: – Кис, кис, кис.

Воняло так, что щипало глаза. Вместе с чёрным котом скоро сбегутся все кошки со всей округи.

– Лежать нам в одной палате, без всяких там Маш, – заворчала Хвостикова и уже решила звонить в скорую, когда на пороге возник тот самый молодой человек.

Его скулы стали острее, а глаза совсем запали. Он непрерывно двигал носом и плавно перетекал из одного положения в другое, как настоящий кот. Потёрся спиной о дверь и, продолжая изгибаться, вошёл в прихожую. Коснулся тумбочки ногой. Зацепил волосами свисающий абажур, распрямился и почесался об него затылком.

Анастасия растерялась, а Варвара протиснулась мимо него в коридор и тихонько прикрыла дверь.

– Попался, кис-кис.

Чёрный кот её даже не заметил. Весь извиваясь, прошёл на кухню и потёрся боком о стену. Встал на колени, обхватил табуретку руками и припал к горшку с кошачьей мятой.

– Что теперь? – отступив подальше от него, спросила Хвостикова.

– Выключай плиту, варево надо остудить, оно ещё понадобится.

Варвара схватила парня за плечи и усадила на табурет,

вручив ему горшок с бело-фиолетовыми цветами. Он впал в помутнение. Лизал и кусал растение, при этом непрерывно мурча и трясая головой.

Анастасия ошарашенно смотрела на него, не веря глазам. Он в самом деле вёл себя как кот. Она даже наклонилась, чтобы убедиться.

– Что ты делаешь? – всплеснула руками её гостья. – Залей мяту холодной водой, мы же не пытаться его собираемся.

Хвостикова выполнила команду, продолжая пялиться на парня. Обхватила кастрюлю полотенцем и перенесла в раковину под кран, но воду так и не включила.

– Брось, я сама доделаю. Давай, пока он не рыпается. Обойди его девять раз по часовой стрелке. Быстрее, скоро дурман рассеется.

– Почему девять...

– У котов девять жизней! Быстрее!

Анастасия вытерла испарину со лба. Разве во снах так бывает? Ей стало не по себе. Парень с закатившимися глазами продолжал неистово лизать кошачью мяту. В настоящей жизни такое просто невозможно. Люди себя так не ведут! По крайней мере, здоровые. Разум пытался найти логичное объяснение, но интуиция подсказывала что уже слишком поздно. Она всё поняла, просто отказывалась поверить, но вокруг чёрного кота всё равно пошла, считая круги вслух.

От кастрюли валил пар. Смердело валерьянкой. Варвара сунула туда палец.

– Пойдёт! – она подхватила кастрюлю, закутила полотенцем, и как только Анастасия произнесла «девять», поставила парню на колени. – Держи настой! – приказала она и взяла его за шею сзади. – Забудь сюда дорогу! – потребовала она и макнула его лицом в воду с корнями.

Тот фыркнул и зашипел. Хвостикова отпрянула и ударилась об стол. Ногу саднило, но она сразу забыла про боль, когда вместо нормальных зрачков из-под век парня вылезли вытянутые кошачьи. Варвара продолжала макать чёрного кота, держа за загривок и приговаривала:

– Забудь её навсегда и не вспоминай! Девять кругов держат тебя. Пойдёшь за ней, отдашь сил вдесятеро больше, чем получишь. Увидишь фантом её, хвост подожди и беги. Вспомнишь о ней, околеешь от страха!

Чёрный кот отряхнул мокрое лицо. Он больше не походил на скуластого красавца с горбинкой на носу. Физиономия округлилась, губы сжались в тонкие линии, вокруг них к носу пролегли глубокие морщины. Нос сплющился. Лоб вытянулся, став высоким и пологим. Волосы поредели и соединились с бакенбардами и курчавой бородкой.

– Брысь! – крикнула Варвара и шлёпнула его по спине.

Парень недовольно пискнул и с разочарованным воплем метнулся в коридор. Ударился в дверь, по-кошачьи отряхнулся, выскочил на лестницу и бросился наутёк. Из подъезда ещё некоторое время раздавался его обиженный ор.

– Почему он стал таким? – пробормотала Анастасия, по-

тирая ушибленную ногу. – Похожим на моего... Это логос приказал? Зачем?

Она больше ничего не понимала. Таких снов не бывает, это точно. Вспомнив старинное средство, она с силой ущипнула себя за руку и взвизгнула от неожиданности.

– Хочешь я? – прищурилась Варвара.

Хвостикова отскочила от неё как от чумной.

– Ну вот, всегда одно и тоже. Сначала насмеваются, а потом боятся.

Плоская шляпа разочарованно мотнулась.

– Это не сон! – задрожала Анастасия.

Сразу вернулся насморк, и заболело горло. Захотелось прилечь. Она покачнулась.

– Хорош дуру валять, – скривилась Варвара. – Или ты принимаешь мою помощь, или я уйду и делай что хочешь, – не дождавшись ответа, она пожала плечами и пошла в коридор.

– Стой! – Хвостикова бросилась следом. – Я, я, я... готова.

– Тогда тащи зеркало!

Дважды повторять не пришлось, Анастасия заскочила в ванную и сорвала зеркало со стены.

– Вот! – она вылетела с ним обратно в прихожую.

Варвара закрыла входную дверь.

– Принять, что мир не такой, как ты, всегда думала – тяжело, – немного сжалилась она. – Ставь сюда, перпендикулярно этому, чтобы отражения объединились. Тогда получится

истинное, а не перевёрнутое. Теперь вставай перед ним.

Хвостикова прошла в центр своей прихожей и замерла. За серебристой гладью творилось что-то невообразимое. Вокруг размытого силуэта плясали похожие на неё, но перекорёженные и страшные тени. Зато трещины рассосались и исчезли.

– Если я проснусь, он больше не сможет натравливать на меня всяких котов?

– Не знаю, – проворчала из-за спины Варвара. – Говорят у тебя особый случай. Чтобы ты ни делала – линия судьбы всегда будет указывать на истинную любовь...

– Это парень в которого превратился кот?

– Это большая редкость. Таких проснувшихся тяжело сбить с пути и заставить делать то, что им не предназначено. Может поэтому он так взбесился... ты лучше меня не отвлекай. Пробуждение штука тонкая, мало ли что, – она закричала и положила Анастасии руки на виски. – Лучше смотри внимательнее. Только не на себя, а дальше. Видишь там что-нибудь?

– Ничего. Раньше была Алиса в стране чудес, а теперь Алиса в зазеркал...

– Плохо. В такой момент можно увидеть всех своих фантомов. Некоторым иногда везёт.

– Что такое фантом? – прошептала Хвостикова.

– Душа может жить в нескольких телах. Каждая её часть называется фантомом. Всего их шесть и ещё один у хозяйки.

Снаскоку понять непросто. Душа целая, пусть и живёт одновременно в семи телах. Просто мы многомерные, когда-нибудь физика с этим согласится... опять отвлекаешься. Видишь что-нибудь?

Анастасия попыталась отрицательно качнуть головой, но не получилось. Чужие руки крепко её обхватили. В кожу врезались массивные перстни. А потом в зеркале что-то промелькнуло. Сзади, за размытыми силуэтами и тенями.

– А-а-а-а!

– Цыц! Ничего там страшного нет. Это между вами происходит сопряжение. Скоро всё прояснится. Не бойся.

Хвостикову ещё трясло, но отражение перестало прыгать и расплываться. Очертания начали приобретать резкость, будто перед ними ставили корректирующие линзы для очков. И чем больше она походила на себя, тем более расплывчатыми и тусклыми становились тени. Некоторые силуэты покорно опускали головы и склонялись в раболепных поклонах, другие наоборот вырывались и старились сбежать, но всех притягивало едва различимыми сияющими жгутами. Как будто на них накинули лассо и тащили в стойло. А может куда и похуже. Иначе непонятно, чего они так упирались. Правда освободиться и спрятаться ни у одной тени так и не получилось. Они становились всё более прозрачными и послушными. Пока от них не остались только едва различимые радужные пятна. Тогда отражение засверкало, запереливалось и вспыхнуло ослепительным сиянием.

Анастасия зажмурилась, а когда попыталась открыть глаза, с трудом разлепила слипшиеся, будто после долгого сна, веки.

– Всё? – её шепот прогремел на всю квартиру.

– Для меня, да, – облегченно выдавила Варвара и отпустила её голову.

– А для меня?

– Ещё будут сны, обучение, посвящение, поиски и испытания.

Хвостикова застыла перед зеркалами, не в силах оторваться. Её отражение вернулось, но в нём что-то изменилось, хотя что именно, понять не получалось. Она ещё несколько раз потёрла глаза и испуганно уточнила.

– Я теперь буду чувствовать сразу все семь тел?

– Нет! Иначе кукуха уедет. Другими телами можно управлять пока спишь, задумалась, размечталась, выполняешь монотонную работу или просто отвлеклась. А вообще, с повседневной ерундой они и сами справляются, – донеслось с кухни.

– Бред какой-то, – вздохнула Анастасия.

– Понимаю, поверить трудно, но так оно и есть. То, что ты находишься в разных телах, ты обычно не помнишь, пока не проснёшься. Тебе кажется, что это сон или фантазия, и ты быстро об этом забываешь. Но теперь всё будет по-другому.

– Вы хотите сказать, что я жила семью разными жизнями и даже не знала об этом?

– А много ты вообще помнишь о своей жизни?

Варвара, как ни в чём не бывало сидела за кухонным столом и пила чай, закусывая рулетом.

Анастасия наконец отошла от зеркала.

– Но тогда выходит, что в одном теле я провожу больше времени, чем в другом?

– Ты там, где тебе лучше. Люди страшные приспособленцы. Болеешь – сбегаешь в другое тело. А потом не помнишь, когда успела выздороветь. Вот что вчера было? Давай, расскажи по минутам. А позавчера, а неделю назад? Что уж говорить о прошедших месяцах или годах. Много ты помнишь из своей жизни?

– Я не могу запоминать каждую прошедшую минуту.

– Конечно, ты же в другом теле.

– Всё равно, – возразила Анастасия, – семь – очень много.

– Это да, – согласилась Варвара. – Редко кто обитает сразу во всех семи. Фантомы болеют, умирают, погибают. У обычного человека в лучшем случае один, редко два.

– Не могу поверить, – Хвостикова вздохнула, но сжала кулаки. – Логос хочет уничтожить все мои фантомы? Кто он вообще такой? Что он там о себе думает? Я же его не трогаю?

– Ты привыкнешь и во всём разберешься. Это трудно, но у тебя получится. Все через это проходят.

– Почему он стал таким?

– Это не по моей части. Я в любовные дела не лезу.

– Ты мне не поможешь? – расстроилась Анастасия.

– Тебе наставница нужна.

– А ты?

– Не люблю учить, – отрезала Варвара и поднялась. – Вылей эту гадость в туалет. Воняет.

Хвостикова подхватила кастрюлю.

– Где её искать? – заинтересовалась она, избавляясь от валерьянового варева.

– Если ученик готов, учитель всегда найдётся.

– Мне бы поподробнее, – попросила Анастасия, ополаскивая кастрюлю. – Адрес, телефон, фамилию.

Варвара цокнула языком.

– Что за люди пошли? Всё им на блюдечке подавай. Ладно. К магам и колдунам не ходи, среди них настоящего сложно найти. Сейчас одни шарлатаны. Тебе путь один – в центр занятости населения.

– Куда? – поперхнулась Хвостикова.

– Придёшь, напишешь в анкете: «Ищу наставника, хочу объединить все фантомы и найти истинную любовь». Оставишь контакт, и жди.

– Вы серьёзно? А если ваш логос пришлёт другого кота или какого-нибудь чёрного крокодила?

– Поэтому поторопись. Пара дней у тебя, наверное, есть, а дальше... Купи оберег. Съезди завтра утром на блошинный рынок у станции «Марк». Там под мостом дед Валерьян. Ты его сразу узнаешь, у него фуражка приметная. Как у желез-

нодорожника. Тулья синяя. На кокарде колесо с крыльями.

Варвара перекрестила Анастасию и вышла.

– Может, свидимся ещё, – донеслось из-за двери.

Хвостикова заперла замок и так и осталась стоять перед глазком, пытаясь собрать вместе мысли. Губы, словно без желания хозяйки, зашептали заученные ещё в детстве строки:

«Ты – ведешь, мне – быть покорной.

Я должна идти, должна...

Но на взорах – облак чёрный,
чёрной смерти пелена».

Казалось, это был самый безумный день в её жизни...

Глава 2. Оберег

Ночь оказалась не лучше. Сумасшедший в античной маске жёг огнём женщин в старинных греческих хитонах и смеялся, срываясь на вой. Длинные тени от мечущихся людей падали на стёкла и соединялись в отражениях с пушистыми снежинками. Почему-то от этого было ещё страшнее. Анастасия пряталась в тёмном углу за портьерой. Как будто маленькую, глупую девочку наказали и заставили не оборачиваться. Но она не могла. Смотрела на обжигающие языки огня, слышала крики и стенания. Пол дрожал, а посреди этого безумия, прямо из паркета торчала сухая рябина. Её ствол скрутило судорогой, но пламя каждый раз огибало её с разных сторон...

Анастасия просыпалась. Скидывала мокрую подушку, даже вставала. Проклинала стихи Брюсова, но как только дремота овладевала ей, кошмар возвращался. Огонь ревел так же оглушительно, как карканье сумасшедшего и вопли его жертв. Нетронутой оставалась только рябина. На самых верхних ветвях покачивались, свесив худые тонкие ноги-шарниры, три куклы. У одной не было глаз, у второй рта, а у третьей ушей. Они что-то мычали в такт волнам жара, и чтобы лучше слышать, Анастасия прокралась к дереву.

– Она станет твоей новой богиней. Это то, что будет, – говорила кукла без глаз.

– Она станет новой богиней фанатиков. Это то, что может быть, – вторила ей кукла без ушей.

– Она никому не отдаст своё желание.

Голос безротой куклы раздался прямо в голове. От неожиданности Анастасия отпрянула назад, поскользнулась на осыпавшихся ягодах и упала в кровавую кашу.

Сумасшедший в маске остановился и скрипуче пробормотал:

– Она меня прокляла, прокляла!

Варвара в дымящемся праздничном хитоне с оборкой, украшенной греческим орнаментом чуть приподнялась с пола и простонала:

– Думай сердцем, логос.

Вторая женщина поправила остатки дымящихся перчаток и сбила пламя с высокой причёски.

– Не вмешивайся. Полагайся на разум. Против судьбы...

– Не будет другой богини, я её уничтожу, – взревел сумасшедший, и пламя взметнулось с новой силой.

– Прометей не для того дал проснувшимся огонь, чтобы они уничтожали друг друга!

Анастасия запрыгнула на огнетушитель, надавила на ручку и упругая струя пены подкинула её вверх, так что она ударилась головой в ветку...

Потирая шишку на лбу, Хвостикова сидела на кровати с недоумением рассматривая сбитую с крепления лампу для чтения. Сны не опасны? Она в это больше не верила. Конеч-

но, можно было на всё наплевать и залезть обратно под одеяло, если бы не бесконечные возвращения в безумный кошмар.

Позавтракав кофе, она выглянула в окно и, покрывшись мурашками, нацепила тёплый плащ. Вот только холодный, мокрый ветер на улице всё равно пробирал её до костей.

В метро тоже было не по себе. Постоянно казалось, что все смотрят именно на неё. Но стоило обернуться, как люди усиленно занимались своими делами. Хотя внимательный, чужой, требовательный взгляд не оставлял. Только отодвигался куда-то за границы видимости.

Добраться до блошиного рынка оказалось не просто. На станции «Марк» электрички останавливались нечасто. А от платформы пришлось идти пешком через пути. При этом взгляд в спину не оставлял ни на мгновенье.

Хвостикова оглянулась, мельком увидев кого-то скрывшегося в жухлой поросли, облепившей железную дорогу. Сильнее закуталась в плащ и побежала к мосту. Сверху проносились машины, а внизу шумела поредевшая барахолка. Часть продавцов уже разошлась, избавившись от товара.

Напряжённо озираясь, Анастасия миновала швейные машинки, утюги, чайники и старые игрушки, когда в зеркале с пожелтевшей рамой за её спиной прошла старуха с бледным лицом. Черты размазались в искажённом отражении и утекли прочь. А чёрные глаза с седыми лохмами висели в воздухе, пока Хвостикова не обернулась. Сзади никого не

было, только разрисованный граффити столб с надписью: «Жизнь – это сон»! Она снова посмотрела в зеркало, но и там наваждение пропало. Стало ещё холоднее. Плащ не спасал, сколько она в него не куталась. Кто знает, может она ещё будет с теплотой вспоминать чёрного кота. Призраки, ведьмы, вампиры? Кто ещё обитает в мире проснувшихся?

Что-то хрустнуло за спиной, и Хвостикова побежала вдоль лотков. Ей было наплевать, что продавцы смотрят на неё морщась и кривя губы. Что плащ уже весь в грязных брызгах. Что лицо покраснело... Она остановилась только у приметной фуражки. Старик стоял чуть на отшибе, точно такой как описывала Варвара. Под козырьком лучились хитрые глаза, а на вытянутом морщинистом лице в седой бороде пряталась заговорщицкая улыбка. Старый синий сюртук, меховая жилетка и высокие, натёртые до блеска, армейские сапоги, настолько не сочетались друг с другом, будто наряд сошёл с подиума высокой моды.

– Здравствуйте, дядя Валерьян! – выпалила Анастасия.

– Ты, девочка, меня ещё дедом назови. Так я тебе по-любому подмогу.

– Простите...

– Кто прислал?

– Варвара сказала, что вы оберег...

– А! Новенькая, – усмехнулся старик. – Проснулась недавно. И кто же тебя разбудил, такое чудо чудное?

– Логос чёрного кота подослал, – тяжело дыша ответила

Хвостикова.

– Диво дивное, – опешил старик. – Какой же тебе оберег тогда нужен? Кровь господня?

Он провёл рукой над товаром. В деревянном ящике с раскладными ножками вперемешку валялись иконы, тканевые мешочки, пучки перьев и соломы, непонятные знаки вырезанные из дерева. Металлические кресты и звезды, пробирки и фляги.

– Я не знаю, – растерялась Анастасия. – А что сколько стоит?

– Не о том думаешь, ясно ясное. Логос могуч, если начал на тебя охоту, непременно закончит. Так что дело твоё грустное.

– Что же мне делать?

– Смириться.

– Я не хочу! – возмутилась Хвостикова.

Старик засмеялся, подкрутив белый ус.

– Ишь ты, бойко бойкая. Ладно, есть у меня одна штука, на время поможет. От души отрываю, это тебе не просто доска размалёванная, – он зачерпнул горсть побрякушек из коробки. – Вещь особо особенная. Редко редкая.

Он вытащил из-под ящика рюкзак и достал из кармана плоскую круглую флягу с семью горлышками, заткнутыми пробками. Небольшую, меньше ладони. Но из-за миниатюрного размера простая на вид стекляшка, казалась почти ювелирной.

– Только придётся тебе тоже потрудиться, светло светлое, – заметил Валерьян, протягивая оберег. – В каждую сторону надо накапать воды из семи святых источников. Когда она перемешается, то тебя от всякой мрази защитит. Вот ещё, – он достал скомканную бумажку. – Здесь адреса храмов, где воду брать будешь.

Анастасия приняла флягу с запиской и спрятала в сумку.

– Сколько я вам должна?

– Что же ты меркантильная то такая? – удивился старик. – Если добрых дел не делать, совсем без фантомов окажешься, запомни, краса красная. Я долго живу в правде, в ней и умереть хочу. Плата у тебя одна будет. Поцелуй меня в щеку, да вспомни добрым словом, когда воду наливать будешь.

Хвостикова огляделась и, быстро перегнувшись через ящик, чмокнула его в бородатое лицо.

– Спасибо, – смущенно пробормотала она.

– Обращайся, слава славная. Всегда здесь стою, и в мороз, и в зной.

– До свидания.

– Добро доброго!

Анастасия ещё раз кивнула, повернулась и пошла обратно к мосту. Навязчивый взгляд в спину не отпускал. Хотелось быстрее убраться прочь. Узкая тропинка привела к дороге. Вдалеке маячила автобусная остановка, и она даже сделала несколько шагов, когда рядом притормозил автомобиль. Опустилось стекло, и водитель спросил:

– Вы из наших?

– А вы?

– Извините. Вы у Валерьяна оберег брали. Вряд ли не проснувшаяся. Я тут по тому же вопросу, – он махнул массивным перстнем с тёмно-синим камнем. – Не хотел вмешиваться, но вы, видимо, новенькая и могли не заметить, что за вами следует теневик.

Анастасия остановилась.

– Кто вы?

– Сноходец. Меня Семёном зовут.

– Кто такой теневик?

– Дрянь, которая высасывает эфир, то есть, энергию из людей. Вам куда? Хотите, подвезу?

Хвостикова нерешительно замерла, пытаясь придумать причину для отказа, но в голову ничего не шло. Вынув из сумки, она пробежала глазами скомканную бумажку и назвала первый адрес в списке.

– Храм Воздвижения Креста Господня в Алтуфьево.

– Тут недалеко, – обрадовался Семён.

Анастасия всё ещё топталась на обочине, когда в боковом зеркале мелькнул смазанный белый силуэт. На этот раз она повернулась так быстро, что разглядела нырнувшую за опору моста тень с длинными когтями. Поэтому распахнула дверь машины и заскочила внутрь, продолжая дрожать. Со всем некстати закружилась голова.

– Если вам несложно...

– Потрите виски, поможет, – убеждённо предложил сноходец. – Вы не думайте, у нас так принято. Когда я проснулся, мне тоже помогли. Так что я сейчас, можно сказать, возвращаю долг. А с долгами у нас строго.

Он повернулся к дороге, и Хвостикова, прислонив пальцы ко лбу, смогла его рассмотреть. Под сорок. Густые тёмные волосы, острые скулы, нос с горбинкой. Глаза суровые, но добрые. Он чем-то напоминал молодого человека из сна, только возмужавшего. Возникло странное чувство, что они уже встречались или он и есть тот самый...

– Меня Настя зовут.

– Очень приятно. Едем? Или вы ещё не уверены?

Она кивнула, тогда Семён улыбнулся и завёл двигатель. Его лицо ожило и озарилось внутренним светом.

– Сколько прошло с вашего нового рождения? – спросил он.

– Сегодня второй день.

– Новорожденная! Как вам с другой стороны?

– Странно, – пробормотала Анастасия, растирая виски, и невольно обернулась, – и пугающе.

– Так было раньше! – попытался пошутить сноходец. – Когда обвыкнитесь, вам понравится. Другая сторона скорее удивительная.

Они переехали мост и выскочили на кольцевую.

– Вам повезло. Просыпаются не многие. Некоторые идут к осознанию истинной природы вещей всю жизнь, но так и

не доходят. Правда открывается не всем. А вам вот... Чем-то занимались? Йога? Медитация? Аффирмация?

– Надеюсь это не какая-нибудь гадость?

– Что? – он искоса глянул на неё, но сразу вернулся к дороге. – А? Аффирмация? Это самовнушение. Думаешь, что всё будет хорошо и всё становится хорошо. Правда, не у всех.

– У меня, обычно, наоборот, – кутаясь в плащ, пробормотала она. – Думаешь, что всё ещё не плохо и тут же становится хуже. А йога мне не нравится.

– Тем более. Будда для просветления медитировал много лет. Иисус освободил своих фантомов из-за чего собственно и попал в ловушку, а вам знания достались просто так.

– И теперь за мной бегают теневики, – вздохнула Хвостикова.

– Не стоит так переживать, – обнадёжил Семён. – Вреда там немного. Это тень оставшаяся от человека, который не хотел умирать. Он или она, так сильно боялись перехода в другой мир, что навечно застряли в этом. Чтобы хоть как-то существовать, им приходится воровать эфи... энергию у людей. Высосать её они не могут – слишком слабые. Поэтому дожидаются, когда он уснёт, отвлечётся или задумается и отбирают у его фантома. Не бойтесь, они живут и охотятся там, где погибли. Далеко не уходят. Вот, кстати, и ваша церковь.

Он свернул с кольцевой и через две сотни метров остановился на обочине. Храмовый комплекс Воздвижения Креста

Господня прислонился к живописному пруду.

– Спасибо.

– Идите, я вас подожду.

Анастасия хотела отказаться, но в зеркале заднего вида снова мелькнула размазанная тень. Тёмная фигура, крадущаяся за ней всё утро, ползла вдоль дороги.

– Вы же говорили, она не уходит с места?!

– Странно, – удивился сноходец. – Обычно они так себя не ведут. Она будто вас выслеживает! Давайте, провожу.

Он вышел из машины, обошёл вокруг и открыл перед Хвостиковой дверь. Она вылезла, опираясь на его крепкую руку. Повторила «спасибо», думая про себя, зачем ему всё это надо? Все эти люди, живущие среди фантомов и прочих чудес, слишком уж бескорыстные. Варвара безвозмездно избавила её от кота. Валерьян подарил ценный оберег. Семён бесплатно возит, забыв о своих делах. Что с ними не так? Или наоборот, с ними всё так, это с обычными людьми что-то не в порядке?

– Простите, – пробормотала она, спускаясь к асфальтовой дорожке. – У вас же свои дела есть. Сегодня выходной. Семья, наверное...

– Моя жена умерла, – серьёзно сказал Семён. – Детей нет. Родственников не осталось. У проснувшихся близких мало... я совсем один. А вы, если честно, мне очень понравились. Поэтому, если ещё не верите в наши порядки, считайте, что я за вами ухаживаю.

У Анастасии порозовели щеки, поэтому она прибавила шаг, но тут же брякнула:

– Я тоже одна, – и пожалела о своих словах, прозвучавших, как предложение к дальнейшему знакомству. – Но это не значит, что...

– Я мог бы и не признаваться, что вы мне понравились. Но зачем начинать с вранья?

Она неопределенно встряхнула головой, не найдя подходящих слов.

Церковь с колокольной выглядывали из-за голых деревьев и бело-красных столбов забора, выделяясь чистым пятном на фоне осенней ржавчины. Не в силах сдержаться, Анастасия обернулась, наткнувшись взглядом на ползущие следом клоки чёрного тумана. Теневик больше не скрывался. Грязное пятно ворочалось в жухлой траве, но неминуемо надвигалось.

– Смотри прямо на него. Пока ты сосредоточена, он не нападёт, – уверенно заявил Семён.

Хвостикова пятилась, не зная куда деть руки. Их хотелось спрятать за спину и одновременно прикрыться. Словно растопыренные трясущиеся пальцы могли отразить волны приторно сладкой вони или защитить от прозрачных, но всё равно дерущих сухую землю когтей. Поэтому она не отрывала глаз от мерзкого пятна, не смотрела под ноги, а нащупывала каждый шаг, упираясь пяткой. Потом приставляла другую и снова шарила позади себя. Теневик постоянно менял-

ся: то расплывался в набравшийся смога туман, то собирался в мерзкую старуху. От напряжения у Анастасии заслезились глаза. Она боялась пропустить какое-то движение и тряслась всё сильнее.

– Успокойся, – бросил сноходец и дёрнул её за руку. – Сюда он не полезет.

Они заскочили под кирпичную арку с образом и их оглушил звон. Зажав уши, Хвостикова чуть не упала на колени. А Семён что-то крикнул и оглянулся.

– Что?

Тень раздвоилась. Белёсая часть удирала без оглядки и набат с каждым колокольным ударом подкидывал её всё выше, собираясь разметать в клочья. Вторая, чёрная, застыла у ворот. С искажённого лица угрожающе таранились бездонные провалы глаз, а огромный рот скалился в беззвучном рычании.

– Святые свидетели, – раздался голос сноходца в тишине после внезапно оборвавшегося колокольного звона.

Он подхватил пошатнувшуюся Анастасию под руку и отвёл глубже в арку. Её лицо побелело и уже отдавало синевой. Перед глазами всё крутилось. Заболело в боку и поднималась тошнота. Пришлось вцепиться в камни арки, чтобы не упасть.

– Успел присосаться к тебе.

Семён едва оторвал её от стены и дотащил до скамейки у забора.

– Сядь. Что тебе здесь нужно?

Она достала оберег из сумки, но выговорить ничего не смогла. Губы тряслись и кроме невнятного мычания ничего не выходило, но Семён понял и так. Выхватил флягу с семью горлышками и бросился к храму.

Анастасия сползла по спинке скамейки и зажмурилась. За что ей всё это? Коты – убивающие фантомы. Тени – пьющие силы. Верните назад тихую спокойную жизнь! Она прижала руки к животу. Внутри всё переворачивалось и горело. Её согнул особенно сильный спазм.

– Выйди ко мне! – долетел скрипучий голос.

Она заворуженно вытаращилась на перекошенный чёрный силуэт за воротами. Вокруг его головы вились белые спутанные волосы. От лица остались лишь угольные дырки глаз и огромный зубастый рот. Он манил её когтистыми лапами и подпрыгивал от нетерпения.

Крик застрял в её горле. Силы таяли. От спазмов больше не выворачивало, а наоборот скручивало и давило к земле. Сопротивляться уже почти не получалось. Ещё немного и она свалится на колени и поползёт навстречу неминуемому. Наверное, так и должно быть. Её затягивало во тьму. В бескрайний омут из которого не выплыть. Погружения уже не избежать, сдаются даже самые смелые и упорные.

Сноходец бухнулся перед ней на колени и сунул в лицо оберег. В центре фляги переливалось голубое пламя. От него расползлось лазурное сияние. Успокаивающее и умиротво-

ряющее. Наполненное могучей, но при этом ласковой энергией.

– Бери, быстрее! – приказал Семён. – Он тебя защитит.

Анастасия вцепилась в стекляшку и прижала к груди. Свечение перетекло на плащ, заскочило под него и впиталось в кожу. Её затрясло ещё сильнее, словно окатили ледяной водой, но после первого шока наступило облегчение. Жжение проходило. Тиски в голове разжимались и скоро дыхание стало тихим и ровным.

– Лучше? – заботливо спросил он.

Она кивнула.

– Что со мной?

– Тебе не повезло, под теневика замаскировался шатун.

Представь, что из твоего тела вырвали огромную длинную зубренную занозу. Вот это то же самое, и теперь из раны вытекает ваша общая энергия. Твоя и фантомов.

– Я больше не хочу, – простонала Хвостикова. – Отвезите меня в больницу, даже в психушку, куда угодно, только верните мою жизнь обратно.

– Я не могу.

– За что мне это?

– Не волнуйтесь, я буду рядом. Вам, наверное, нужно посетить семь церквей? – сноходец поднял её, поддерживая под руку. – Давайте я вас отвезу. Когда оберег наполнится, вы почувствуете себя великолепно.

– Откуда вы знаете, – прошептала Хвостикова. – Логос

могуч, если начал охоту, обязательно закончит.

– О! – удивился Семён. – Это он подсылает к вам тварей?

Девушка кивнула.

– Что я ему плохого сделала?

– Не важно. Валерьян дал вам очень сильный оберег. Давайте его зарядим. Какая следующая церковь?

Продолжая прижимать к себе сияющую стеклянную флягу, Анастасия трясущейся рукой вытащила бумажку.

– Храм Троицы Живоначальной в Старом Свиблово.

– Это рядом с Ботаникой. Поехали! Вы можете посидеть в машине, я сам наберу.

– Я боюсь.

– Я его задержу, а вы бегите. Сможете?

– Наверно.

Хвостикова всхлипнула. Доведя её до ворот, сноходец выставил перед собой руку с перстнем и сделал шаг вперёд. Повернул кольцо камнем вниз и начал растворяться в воздухе, разделяясь на три одинаковых прозрачных фигуры. Они завертелись. Поднялся маленький смерч, закрутил опавшие листья, заполнил трепещущей жёлтой волной проём арки и выскочил наружу. Порыв ветра смёл шатуна, перевернул и потащил к пруду. Листья осыпались на асфальт, шурша:

– Беги!

Барахтающуюся тень затянуло в воду, подняло и, подбросив, ударило о ребристую гладь пруда.

Анастасия добежала до пригорка, поднялась и опёрлась

на капот. Дыхание сбилось. Сердце вылетало из груди. Появившийся из ниоткуда Семён распахнул дверь и втолкнул её на заднее сиденье.

– Попробуйте поспать, – бросил он, усаживаясь за руль.

Хвостикова сжалась, укрывшись плащом. Через «открытую рану» стремительно утекали силы. Вернулся вчерашний озноб. В тяжёлой голове вертелась единственная мысль: «Пусть всё происходящее будет горячечным бредом, а после выздоровления вернётся тихая спокойная жизнь».

Машина тронулась. От мерного качания навалилась дремота, но когда подбирался сон, перед глазами вставала жуткая фигура с огромным ртом.

– Иди ко мне! – требовал скрипучий голос.

Она каждый раз подскакивала и так и не смогла заснуть, пока автомобиль не затормозил. Сноходец перегнулся через сиденье.

– Как вы? – спросил он.

Анастасия молчала.

– Я быстро, потерпите.

Он выхватил оберег и хлопнул дверью.

Наступила долгожданная тишина.

Хвостикова лежала с закрытыми глазами. Холод как будто отступил, но осталась опустошённость. Пульсирующая боль спала, а мир погрузился в сумерки. Ей мерещились тяжелые шаги и бряцанье когтей. Тёмная тварь бежала следом. Принюхивалась, припадая на брюхо, и плотоядно рычала. Чувала,

что уже рядом. Что скоро догонит, вцепится и больше не отпустит. Но Анастасии уже было плевать. Она устала бороться. Хотелось тишины и покоя. Она бы даже впала в дремотное забытие, если бы не телефонный звонок. Не глядя махнув по экрану, она подсунула телефон под ухо.

– Привет! Ты как? – раздалось из динамика.

– Умираю, – прошептала Хвостикова.

– Шикарно! Я заберу твой проект, не волнуйся...

Потянуло сквозняком.

– Кирилл? Какого чёрта тебе надо?

– Клара Архипповна сказала, что ты заболела и, если быстро не оклемаешься, могу тебя заменить. Так что сделай одолжение, умри поскорее.

Раздались гудки и даже сквозь веки прорезалось голубое сияние. К рукам Анастасии прижалась холодная стеклянная фляга, и она жадно сжала пальцы. Как только небесный огонь пробежал по коже, пришла новая волна облегчения. Сквозь губы вырвался вязкий пар. Она села и, сбросив сапоги, поджала под себя ноги.

Семён завел машину.

– Кто звонил?

– Козёл с работы, – еле удерживая трясущийся подбородок, выговорила Хвостикова.

– Куда дальше?

Она облизала пересохшие губы и протянула мятую бумажку.

– Покровский Ставропигиальный женский монастырь. Церковь Святой Матроны на Таганке, – прочитал сноходец. – Слышал. Это почти в центре.

– Он не отстанет? – прошептала Анастасия.

– Вы правы, – согласился Семён. – Не хочу вас пугать, но шатун всегда добивается своего. Он ищет проснувшихся и уничтожает. Единственный шанс выжить, победить его в схватке.

– Как?

Сноходец съехал с обочины и вывел машину в правую полосу.

– У тебя уже есть наставница?

– Хотела сегодня...

– Придётся пока пересидеть за монастырской стеной. Я попробую договориться.

Он настороженно всмотрелся в зеркало заднего вида, и Анастасия, вздрогнув, обернулась. Отталкиваясь четырьмя ногами, как собака, вдоль дороги стремительно неслась чёрная тень. Зубастая рожа вытянулась. Провалы глаз стали ещё глубже.

Семён прибавил скорость. Над головой промелькнул железнодорожный мост. Тварь подпрыгнула, перескочила ограждение и снова побежала вдоль отбойника.

– Не волнуйся, – пробормотал он. – Сейчас выскочим на Проспект Мира, прибавим.

Хвостикова прижала к груди оберег и зажмурилась, но

тёмное пятно продолжало скакать рядом даже под стиснутыми веками.

– Откуда он взялся? – чтобы нарушить проклятую тишину, прошептала она.

– Из Аида, – ответил сноходец. – Противопоставление созидательной силе. Ему не нужно питаться, без надобности наша энергия, он просто убивает ради самого убийства. Им движет ненависть.

– Лучше бы не спрашивала, – пробормотала Анастасия. – Ад есть?

– Не ад, а Аид. Там нет котлов, демонов и прочего. Просто бесконечная череда кошмаров, от которых нельзя проснуться.

– Если шатун меня... я попаду туда? – вскрикнула Хвостикова.

– Лучше этого не допускать.

Они вывернули на широкую улицу, сноходец прибавил скорость, и скачущая тень отстала.

– Как его победить?

– Лучшее оружие против ненависти – любовь!

– Очень смешно.

Анастасия скривилась.

– Я не шучу. Мы что-нибудь обязательно придумаем, а пока побудешь в монастыре. Не бойся, монахини не откажут.

– Спасибо, – пробубнила Хвостикова. – Всю жизнь мечтала уйти в монастырь.

– Это временно.

– А кто такой сноходец? Чем вы вообще занимаетесь?

– Спасая молодых красивых девушек!

– Мне повезло, что я не старая и страшная.

– Перестаньте, я бы вас люблю...

– А чем вы занимаетесь в свободное от спасения девушек время? – перебила она.

– Сноходец – это второй уровень. Сначала пройдёте посвящение и почувствуете своих фантомов. Потом научитесь переключаться между ними по собственному желанию и станете сноходцем.

– У вас много?

– А что, не видно? – улыбаясь, проговорил Семён и сам себя оборвал. – Извини, у меня три фантома.

– Тяжело с ними управляться?

– Не очень, – заметил он. – Я привык.

– Мне кажется, можно сойти с ума, если одновременно жить несколькими жизнями. Шизофрения какая-то...

– Раздвоение личности – это когда человек ведёт себя по-разному, а вы во всех телах одинаковая и поступаете одинаково. Сами всё поймете со временем. Тем более, они прекрасно обходятся и без нас.

– Они что, ещё и самостоятельные?

– Конечно. Как, вы думаете, они живут, пока вы не проснётесь? А если вы вообще не проснётесь? Просыпаются единицы. Обычно в молодости, пока сознание пластичное и

готово к переменам. Но бывают исключения, я вот припозд-
нился. А некоторым вообще суждено лишь в старости...

– Я запуталась, какая вообще разница, – пожаловалась
Анастасия.

– Разберётесь. Сколько в мире похожих людей с одинако-
выми судьбами? А двойников?

– Я про суждено лишь в старости.

– А-а-а-а. Так помолодеть или поменять фантом нельзя.
Если проснёшься только в старости, так старым и останешь-
ся. А жизнь у проснувшихся долгая.

Хвостикова отрешённо кивнула. Они неслись по полупу-
стой дороге. Тень шатуна скрылась и чудеса снова казались
нереальными. Только лучившийся голубым светом оберег не
давал забыть об опасности. Она боялась закрывать глаза, по-
тому что в темноте под ними клацала зубастая пасть.

– Вам наставница объяснит. У них лучше получается, –
добавил Семён и замолчал, тревожно поглядывая в зеркало
заднего вида. – Давайте лучше о чём-нибудь другом? Кто вам
звонил?

– Коллега по работе, – задумчиво протянула Анастасия. –
Точнее конкурент. Заполучит мой проект, а с ним и повы-
шение к которому я пять лет шла.

Они съехали с многополосного шоссе, дома закончились
и за тротуаром и лужайкой потянулась крепостная стена с
фальшивыми бойницами. Углы венчали островерхие баш-
ни из красного кирпича и ещё более высокая колокольня со

шпилем.

– Добрались, – обрадовался сноходец. – Припаркуюсь у столба, и бежим внутрь.

Он остановился, загнав машину на тротуар, и выскочил, помогая вылезти Анастасии. Сделав несколько шагов, она споткнулась и чуть не упала. За ними прямо по проезжей части неслась искажённая тень. Проскакивала между автомобилями, задирая вверх оскаленную морду. Водители не видели жуткое пугало, но инстинктивно отворачивали в сторону.

– Быстрее!

Семён подхватил обмякшую Хвостикову, затащив её в поток идущих к воротам монастыря. Она еле передвигала ноги. От нового приступа не помогал даже оберег. Тварь уже перескочила улицу и бросилась к высокой кирпичной стене.

– Пожалуйста, старайся, – выдохнул Семён, но она не шевелилась.

Тело не слушалось, а тень надвигалась. Люди расступились, настороженно осматриваясь и крестясь. Дети заплакали, закрывая испуганные лица.

– Брысь! – прохрипел сноходец. – Изыди! Я её не отдам!

Подняв Анастасию на руки, он медленно отступал. Она видела всё словно в тумане. Тварь скалила огромную пасть, пригнув голову к земле. Испуганные прихожане жались к стене, не понимая, что происходит, но страх давил их всё сильнее. Они не видели с кем разговаривает побледневший

Семён, но от этого становилось ещё страшнее. До раскрытых ворот оставался десяток шагов.

– Моя, – проскрежетал шатун.

– Нет! – яростно крикнул сноходец.

Он повернулся к воротам, не отрывая напряжённого взгляда от шатуна, поднял Хвостикову выше, качнул, и бросил. На пальце вспыхнул перстень. Сияние расходилось от тёмно-синего камня кругами. Переливалось от светло-голубого до насыщенного индиго и тугими, пульсирующими волнами толкало Анастасию к воротам.

Чёрная тварь взвыла.

Поток закружил Хвостикову, ускоряясь, но её внутреннее время замедлилось. Она видела, как шатун прыгнул следом. Как из клоков непроглядного тумана выдвинулись чёрные когти. Они тянулись следом за ней, и медленно, очень-очень медленно удлинялись. И чем сильнее они росли, тем тоньше и прозрачнее становились.

Чёрная тварь поняла свою ошибку и отчаянно взвыла. Оттолкнулась от асфальта и поменяла траекторию прыжка.

Синее свечение от перстня внесло Анастасию в ворота. Качнуло и начало мягко опускаться. Медленно и бережно. Даже слишком медленно. У сноходца уже дрожали руки от напряжения. Перстень подскакивал вверх и вниз, и он пытался сдержать его удивительную силу. Настолько сосредоточился, что не видел, как раззявленная пасть и длинные когти потянулись уже к нему самому.

Хвостикова задёргалась, пытаясь закричать, но слишком медленно. Опутанная синими петлями, она зависла над асфальтом. Перстень мигнул. Во все стороны полетели брызги крови. Вместо отчаянного крика изо её рта вырвался сдавленный хрип и она рухнула на асфальт, ударившись локтем.

Снаружи за воротами металась непроглядная тень, и во все стороны расплескивалась кровь. Слишком красная среди серости и клоков тьмы.

Хвостикова сжала губы и попыталась подняться, но чьи-то руки обхватили её за плечи и потянули внутрь монастыря. Она ревела, вырывалась, но силы окончательно иссякли.

– Не дёргайся, – попросил зычный голос. – Его уже не спасёшь!

К ней подбежали молодые монахини и, закинув руки на свои плечи, помогли идти. Бородатый священник, оттащивший Анастасию от ворот, взял оберег и, встряхнув, кивнул самому себе.

– Я наполню его из источника, – пообещал он искомандовал. – Отнесите её в приют.

Мимо потянулась колокольня, разрывая шпилем серое небо. На лицо Хвостиковой падали редкие капли и стекали по щекам, а она даже не могла их смахнуть, зажатые монахинями руки не слушались. Дождь усиливался, и пока они доплелись до жёлтого двухэтажного здания, совсем промокли.

Её завели в крошечную комнату и, сняв мокрый плащ, уложили на кровать.

– Пospите.

– Как вы так можете? – простонала она. – Он же, его же...

Анастасия ещё что-то бурчала, поджимая под себя ноги.

Руки соскальзывали с мокрого плаща, но холод ушёл совсем. Осталась бесконечная жуткая пустота. Глаза закрылись сами собой, но из темноты на неё тут же кинулась ещё более чёрная тень.

Хвостикова закричала и вскочила. По щекам полились слезы и не останавливались, пока священник не принёс оберег. Только с его отрезвляющим холодом в руках, она немного успокоилась и снова легла.

– Отдохните, здесь вы в безопасности. Мы не отказываем в приюте проснувшимся.

Он ушёл, а Хвостикова, стиснув в руках стеклянную флягу, наконец уснула. Её словно выключили. В темноте засветилась золотая подкова и отовсюду полилась странная музыка. Её опять тащило вверх, но на этот раз только до развилки. Теперь к ослепляющему свету вели два пути. А между ними выпирал огромный валун с древними письменами вырезанными на замшелом боку. Сверху восседали три куклы. Одна без глаз, вторая без рта и третья без ушей.

– Твоя судьба предрешена, – заурчала первая.

– Ты можешь выбрать свой путь, – эхом ей ответила вторая.

– Ты можешь получить желание, – слова третьей снова раздались прямо в голове.

Золотая подкова засветилась сильнее и потянула Анастасию по левому пути. Свет за пологом мрака накалился. Его жар клонил вниз. Хотел сделать послушной и молчаливой. Пугал, угрожал, требовал. Становилось всё тяжелее сопротивляться. Из памяти всплывали арфы, лютни, банджо, гусли, лира...

Хвостикова подскочила над кроватью, всё ещё держа оберег. Голубое пламя потускнело, но ещё вспыхивало синими сполохами. Она вытерла мокрый лоб, выбралась из узкой кельи и пошла по коридору, пока не натолкнулась на сдержанно улыбающуюся монахиню.

– Хочу заказать отпевание моего друга, – выпалила Анастасия.

Ответом было мотание головой.

– Или как у вас это называется?

Монахиня указала в сторону выхода. Хвостикова вздохнула и открыла дверь. У маленького крыльца стоял мужчина с густыми тёмными волосами, острыми скулами, носом горбинкой, широкими бровями и смеющимися серыми глазами.

– Мне от дома ближе было добираться до оставшихся четырех церквей, – проговорил Семён. – Фантома, конечно, жалко, но...

Анастасия охнула и бросилась на него с кулаками. Несколько раз стукнула в грудь, вцепилась ему в шею и крепко-крепко прижалась.

– За меня ещё никто... никогда... он же тебя...

Она отстранилась и отвернулась, вытирая лицо.

– Больно было?

– Врать не буду, – севшим голосом ответил он. – Крайне неприятно.

Хвостикова наконец привела себя в порядок и попыталась улыбнуться.

– Ты это заслужил.

Он наигранно нахмурился.

– По-моему, я поторопился со спасением красивых девушек. Неблагодарная профессия.

Её улыбка потеплела.

– Если дорогие мне люди перестанут умирать, мне понравится этот новый мир.

Семён ещё больше развеселился.

– Так я уже дорогой?

Анастасия переминалась с ноги на ногу, крутя в руках оберег. Пожала плечами, но тут же съязвила:

– Если в нервных клетках, то очень дорогой. Ты хоть всё помнишь?

– Я же сноходец.

Хвостикова выразительно посмотрела на пакет в его руках.

– Набрал в других храмах, и сразу к тебе, – Семён потряс пластиковыми бутылками.

– Сколько же я спала? – удивилась она.

– Часов пять-шесть.

Они отошли к беседке между деревьями. Сноходец нацедил в каждое подставленное горлышко, и оберег с каждой каплей сиял всё сильнее и сильнее. Но когда бутылки закончились, начал потихоньку угасать, пока не посветлел до обычной воды из-под крана.

Они долго смотрели на флягу, пока Семён не крякнул и не пошёл выбрасывать пакет. Когда он повернулся, Анастасия обвила оберег пальцами и прижала к себе. Тогда за стеклом в такт ударам сердца начала пульсировать его аквамариновая копия. На душе стало так хорошо, как ещё никогда не было. Все предыдущие несчастья казались дурным сном. Даже не самим сном, а полустёртым воспоминанием о давнишнем кошмаре.

– Тебе лучше?

Хвостикова открыла глаза.

– Намного.

– Чудно! Тебе ведь ещё шатуна побеждать...

Анастасия замотала головой.

– Он вокруг монастыря бродит. Видел, когда подъезжал.

– Я до жути его боюсь.

– Это всё меняет, – усмехнулся сноходец. – Пусть дальше бродит. Может ещё к кому-нибудь присосётся...

– А лучше меня? Как тебя? – она смотрела с укоризной, но он не отвёл взгляда.

– Что тебе снилось? – спросил Семён.

Хвостикова ещё сильнее нахохлилась, поэтому он уточ-

нил:

– Тебе придётся пустить меня в свой сон. Что тебе снилось в последний раз?

– Мифы древней Греции! Орфей и Эвридика! Я была Эвридикой. Он тащил меня наверх. Я не хотела, но сопротивляться не могла, пока не вспомнила, что он играл на лире. Как тебе такая чушь?

– Кто он? – сглотнув, спросил сноходец.

– Да, откуда я знаю. Его не было видно, темно было, знаешь как где? – она скривилась. – В Аиде твоём. Мамуня читала мне в детстве стихотворение Брюсова. Слышу, слышу шаг твой нежный. Шаг твой слышу за собой. Мы идём тропой мятежной. К жизни мертвенной тропой.

– Странный выбор... для ребёнка.

Она не ответила, и Семён понятливо сменил тему.

– Непроглядная тьма – это плохо, – начал он. – Значит у тебя не осталось фантомов и ты уязвима. Ты что фанатичка?

– Кто? – не поняла Хвостикова.

– Фанатики так будят своих. Собирают фантомов и ритуально...

– Я не...

– Верю, верю, – сноходец примирительно поднял руки. – Ты фаталистка. Тебе дали келью?

Она кивнула.

– Пойдём или ты хочешь пожить здесь ещё?

Анастасия покачала головой, и они молча вернулись к

двухэтажной постройке. Прошли в крошечную келью с кроватью, и Семён прикрыл дверь.

– Твой оберег будет проводником в твой сон.

– Шутишь? – пробормотала Хвостикова. – По твоему, я сейчас лягу и усну?

– Конечно, – усмехнулся сноходец, сел рядом с кроватью и похлопал по матрасу. – Баю-баю-баю-бай. Успокойся, засыпай!

Анастасия упёрла руки в бока и недовольно поджала губы.

– Прекрати, – взмолился он. – Мне сейчас не до глупостей!

Она вздохнула, но всё-таки легла и закрыла глаза.

– Расслабься, – прошептал он. – Пусть твоё дыхание успокоится.

Анастасия постаралась выбросить из головы всё лишнее. Хоть это было и не просто. Рядом сидел почти незнакомый мужчина. Да, он отважно бросился на чудовище и практически загородил её собой. Но ведь ему это ничего не стоило. Вот он, сидит рядом, живой и здоровый. Точно такой же, как был. Она чувствует его запах. Слышит его дыхание и тихие слова. От него не исходит никакой угрозы, но что она знает о проснувшихся.

– Молодец, – похвалил Семён. – Когда ты спокойная, ты очень красивая.

Хвостикова чуть не открыла глаза, но он закрыл их ладонью. Его пальцы коснулись оберега. Она почувствовала, как

за стеклом сильнее забилося аквамаринное сердце. Или это её собственное?

– Тебе становится теплее. Тело расслабляется. Всё вокруг больше не имеет значения. Тебя обволакивает мягкая успокоительная дремота.

Она больше не могла сосредоточиться на ленивых мыслях. Они перестали выстраиваться в чёткие ряды и больше не казались разумными и правильными. Лоб разгладился, пропали тонкие морщинки у глаз и губ. Из оберега расходились энергетические волны. Прозрачные, почти незаметные, но крепкие, как стальные канаты. Они обвили Анастасию и Семёна. Сплелись в сверкающий кокон и едва выпустили наружу слова:

– Забудь обо всём и спи.

Она даже не заметила, как из тьмы протаяли пятна света. Пещера уже не выглядела подземным царством смерти. Скорее пиршественным залом в средневековом замке. На гладких стенах дымились факелы, а пол покрывала потрескавшаяся от времени плитка. Сноходец держал её за руку и улыбался.

– Мы его точно прибуём! Я же с тобой, – прошептал он, – Повторяй за мной.

– Перед богами Олимпа и истинными пророчицами, вызываю на поединок шатуна! – сказала Анастасия.

Её слова ударились в стены и отлетели многократным эхом. Покатились по неведомым подземным лабиринтам и

отозвались протяжным воем, где-то далеко, в глубине бескрайних подземелий.

Хвостикова сильнее вцепилась в руку Семёна.

– Мы победим, – как ни в чём не бывало, повторил он.

Тени от факелов начали дрожать сильнее, как будто задул ветер. А потом и вовсе поотрывались от стен и поползли к центру пещеры. Собрались в один перекорёженный ком тьмы, налились ядовитой синевой и покатались на них.

Теперь сноходец сжал её ладонь.

За тёмным комом, кралась ещё более чёрная клякса. Сопела, втягивая дырами на морде пыль с пола, морщилась, будто пробовала запах на вкус. Шипела и вздрагивала от предвкушения, пока не распахнула гигантскую пасть, утыканную кривыми зубами, и из неё не вырвался утробный рык.

Хвостикову передёрнуло.

– Бояться нечего! – уверенно заявил Семён. – Твоя защита непробиваема. Ты необыкновенная. Самая лучшая! Восхитительная и прекрасная!

– Рехнулся? – еле выдавила Анастасия.

– Окончательно и бесповоротно, – согласился сноходец. – Когда увидел тебя сегодня утром и не смог уехать. Во мне что-то перевернулось. Среди похожих один на другой тоскливых дней, сегодняшней стал самым ярким. И теперь будет таким всегда, и во веки веков.

Тварь пригнулась и сильнее заворчала сквозь ряды клы-

ков. От её задних лап тянулась бесконечная тьма. В косматых колтунах на боках дымились искры. Чем ближе она подбиралась, тем сильнее воняло серой.

– Ты единственная и необыкновенная, ты мой луч утреннего солнца, ты моя весна. Ты сбывшаяся мечта. Унеси меня за грань воображения! Ты моя сбывшаяся мечта. Предназначенная мне судьбой.

За их спинами посветлело. Свет разгорался всё сильнее. Набирая силы с каждым новым словом.

– В тебе тоже что-то есть, – попыталась подыграть Хвостикова.

Уродливая тень замерла в нескольких шагах.

– Не останавливайся, говори, – зашептал Семён.

– Ну, я тоже подумала, что ты тот самый, который....

Распахнутая пасть захлопнулась.

– Мой, в общем-то, единственный...

Углы чёрного рта опустились. Загородившись лапой от сияния, шатун отступил в тёмные клоки тумана.

– Ты моя симфония, моя тема любви, всегда и вовеки веков, – уверенно крикнул сноходец. – Мы пройдем до конца наших дней рука об руку! Никто не встанет на нашем пути. Не разлучит, не заставит забыть друг о друге. Мы всегда будем вместе!

Тварь сощурилась. В зрачках блеснул огонёк, но она замотала головой, пока не пошёл редкий дымок.

– Говори!

– Я очень-очень долго тебя ждала, – зачастила Анастасия. – И дождалась. Теперь я самая счастливая женщина на свете... – она запнулась. – Наш корабль любви не потопят никакие ураганы...

Огонь вспыхнул вновь. Мгновенно затопил тёмные провалы глаз и тварь взвизгнула. Но сколько не трясла уродливой мордой, пламя разгоралось только сильнее. Оно охватило всю голову, и беспросветная тьма начала светлеть. Чёрные отростки, похожие на шерсть, свернулись кольцами, скукожились и задымились. Мощные лапы с длинными когтями затряслись и начали таять. Тень быстро меркла, пока, с громогласным хлопком, не исчезла. А бледные отростки, оставшиеся на полу, заползли на стены и приклеились к факелам.

– Что это за... – начала Анастасия, но Семён перебил:

– Победа! Пора просыпаться.

Факелы неожиданно потухли, и пещера погрузилась во тьму. Хвостикова хотела возмутиться, но почувствовала в руках оберег, успокоилась и открыла глаза.

Сноходец стоял у кровати, потягивался и махал руками наподобие утренней зарядки.

– Что ты там нёс? – проворчала Анастасия и тоже поднялась.

– Любовь – это самая сильная часть эфира, то есть энергии. Она словно священный огонь – сжигает любых адских тварей изнутри.

– Но я...

– Я вообще-то песню Демиса Руссоса пересказывал! – воскликнул сноходец. – Помнишь, «Всегда, во веки веков», – он начал напевать, но Хвостикова только скривилась.

– Я домой хочу. Эти глупости меня не интересуют.

– Глупости? – удивился Семён. – Это всего лишь имитация любви, подкреплённая энергией. Представляешь, на что способны истинные чувства? Почему, ты думаешь, богиня получает величайшее право...

Анастасия нахмурилась ещё сильнее.

– Я не просила никаких признаний, тем более, их имитацию. Это, знаешь ли, даже оскорбительно.

– У нас не было другого выхода. Сны существуют по своим законам, которые мы, наверное, никогда до конца не поймём. Но там, там глупый обман иногда срабатывает. Прости, я не хотел тебя обидеть. Но здесь, в реальности, мы бы никогда не победили шатуна. Понимаешь?

Она кивнула, но не слишком искренне.

– Я просто устала. День был слишком длинным, и меня раздражает, что он никак не заканчивается. Ты понимаешь, что за эти два дня, я пережила больше, чем за всю предыдущую жизнь?

Она сама испугалась своих слов и замолчала.

Семён подал просохший плащ и помог надеть.

– А как же биржа труда? – напомнил он.

– Точно не сегодня.

– Завтра выходной, они не работают, но анкету можно

оставить.

Она кивнула.

– Пойдём, я тебя отвезу домой.

На крыльце они натолкнулись на давешнего священника.

– Давненько не видал, чтобы так лихо с нечестивыми расправлялись, – поздравил он. – Пусть господь и дальше помогает, а я буду за вас молиться.

Анастасия склонила голову.

– Спасибо, святой отец, – поблагодарил сноходец. – С полицией проблем не возникло?

– Они с проснувшимися не разбираются, слишком хлопотно.

Священник протянул тесёмку.

– Это для оберега. Я такое не поощряю, но вам он видимо необходим.

Выйдя за ворота, Хвостикова с тоской посмотрела на монастырь. Уже стемнело, но над золотыми крестами ещё светились закатные облака. Она вздохнула.

– Теперь всё будет хорошо, – пообещал Семён, помогая ей сесть в машину.

До дома добрались незаметно. Вечерняя Москва стремительно пролетела мимо, не оставив воспоминаний. Анастасия клевала носом, хоть и пыталась бодриться, но говорить было не о чем. Слова нашлись только когда ей подали руку и уверенно пошли следом.

– Спасибо. Дальше я сама, – строго сказала она.

– Защиту нанесу и уйду, – пообещал сноходец. – Так лучше будет. А то у меня душа не на месте.

Хвостикова пожалала плечами. Пусть делает что хочет, лишь бы побыстрее. Они поднялись в квартиру. Семён, деловито скинув ботинки, прошёл на кухню и почти сразу крикнул:

– Соль нашёл, а где аптечка?

– Там же. В полке над раковиной, – устало ответила Анастасия.

В ответ загремела посуда. Семён вышел в коридор с пенящимся стаканом.

– Немного алхимии, – подмигнул он, но глядя на появившиеся морщинки на её лбу, поспешно добавил. – Для твоего же блага.

Сноходец вышел на лестничную клетку и, макая палец в приготовленный раствор, вывел на двери странные знаки, похожие на пляшущих человечков.

– Не волнуйся, высохнут, видно почти не будет. Зато без твоего разрешения в эту дверь никто не войдет. Твой дом – твоя крепость.

Семён быстро наклонился и поцеловал Хвостикову в щеку.

– Спокойной ночи. До завтра.

– Спокойной ночи, – согласилась она и заперла дверь.

Сняла плащ и распахнула окно на кухне. В квартире до сих пор пахло валерьянкой. Хотелось выпить горячего чая и

наконец упасть в кровать, но раздался дверной звонок.

– Я его сама убью, – печатая шаги, прорычала Анастасия и распахнула входную дверь.

Там стоял седой, но совсем молодой мужчина в длинном фраке с кружевными манжетами и перчатках с вензелем «СЗН». У Хвостиковой похолодело внутри. Тот самый седой, что приходил в офис к её фантому вместе с чёрным котом.

– Что вам нужно? – взвизгнула она, вцепившись в дверь.

– Не приглашайте, – холодно уточнил он, глядя на символы, и не дождавшись ответа продолжил. – Меня зовут Донофей Кейбардин. Мало кто может выговорить. Поэтому прицепилось прозвище. Я не против. Так даже удобнее. Все зовут меня Дон Кей. Поздравляю вас с пробуждением и хочу предложить помощь.

– Валите вместе со своим драным котом!

– Он не мой, – также равнодушно заметил Дон Кей. – Пока вы не проснулись, в нём ещё был смысл, но теперь... Всему виной предсказание. Провидицы почему-то нас не жалуют, а это раздражает! Переходите на мою сторону и...

– Оставьте меня в покое! А лучше верните мою жизнь!

– Она и так ваша. Вы же сами хотели проснуться! Чтобы жизнь стала ярче и интереснее. Мечтали о приключениях. Романтике...

– Откуда вы знаете?

– Я геронт. Поэтому много чего знаю. Хотите анекдот?

Она потрясённо кивнула.

– Проснувшийся пришёл к больному другу, но его встретила заплаканная жена друга. Она сказала: «Он покинул нас». А проснувшийся ответил: «Когда вернётся, передай ему, что я приходил».

– Не понимаю...

– Скоро разберётесь. У вас два дня, потом я приду за ответом. До скорой встречи!

Дон Кей скрылся, а Анастасия захлопнула дверь и прижалась лбом к холодному глазку. Неужели в случившемся есть её вина? Она конечно редко выходила из дома, но такая работа. А то, что каждый следующий день похож на предыдущий, так это почти у всех. Да и кто не мечтает о другой жизни? Все хотят приключений, настоящей любви, страсти, романтики. Все хотят, чтобы скучная обыденность стала ярче! А вот чёрных котов и тварей из ада – никто не хочет! Мужчины должны признаваться в любви, чтобы добиться расположения, а не уничтожить шатуна. Разве не в этом смысл?

Глава 3. Наставница

Добираться своим ходом не хотелось, но Анастасия решила не дожидаться сноходца. Он вчера и так слишком много всего наворотил, и теперь она не могла понять, как к нему относится. То ли начал нравиться, то ли это банальная благодарность. Поэтому, чтобы окончательно не запутаться, она решила не торопиться. Сначала с собой надо разобраться. Мамуня всегда говорила, что мужчины мешают нам стать собой. Поэтому и воспитывала её одна. Как личность, а не как кухарку и уборщицу. Она сама, чаще держала в руках фотоаппарат, чем кастрюлю или швабру.

Хвостикова посмотрела на чёрно-белую фотографию на стене. Несмотря на отсутствие цвета было видно, что у пожилой женщины с длинным седым локоном – гетерохромия. Иной цвет глаз с греческого. Мамуня коллекционировала такие снимки. Говорила, что без цвета, они правдивее. Вот только пасмурная хмурь за окном убеждала, что лучше много лживых красок, чем одна правдивая.

– Мне бы твою уверенность, – вздохнула Анастасия и пошла одеваться, попутно уговаривая себя, что сегодня всё обойдётся.

Но поверила в это, только выйдя со станции метро на улицу. Сегодня её не преследовали тяжелые взгляды в спину и фантастические неудачи. А это уже вселяло надежду. Бы-

вать в центре занятости ей не приходилось, и в глубине души она надеялась, что никогда не придётся. Приёмная занимала первый этаж старой пятиэтажки. На крыльце, обложенном новой гранитной плиткой, курила пожилая охранница. Даже на вид далеко за шестьдесят пять.

Она странно посмотрела на Хвостикову, так что та вздрогнула. На благородном лице женщины презрительно щурились глаза разного цвета. Один карий, почти чёрный. А другой голубой, как весеннее небо. Не даром же Эйнштейн утверждал, что при помощи совпадений Бог сохраняет анонимность. Два дня назад, это стало бы поводом задуматься, но сейчас было не до суеверий.

– Простите! Можно оставить анкету?

Охранница безразлично кивнула, поднялась по ступеням и открыла стеклянную дверь.

– Как хочешь, детка, я за работу не держусь. Только не натопчи, не люблю грязь.

Пожав плечами, Хвостикова пошла следом.

– Думаешь, ответят? – поинтересовалась разноглазая.

– Мне обещали...

– Так ты блатная. И чего хочешь? Ничего не делать и много получать?

Анастасия нахмурилась.

– Наставницу найти.

– Да вижу, – усмехнулась та. – Два дня как проснулась, а понаделала уже. За такими присматривать надо.

Хвостикова удивлённо подняла брови.

– Вы...

– Зиновия Варфоломеевна. Давай свою анкету.

Протянув бумагу, Анастасия попыталась посмотреть на охранницу по-новому. Ни по-старушечьи собранные в пучок волосы, ни неказистая полувоенная форма не могли скрыть корни. Было в ней что-то от «белой кости». От дам, которых показывают в фильмах по романам русских классиков. Но было и что-то ведьмавское. Дело даже не в серьгах с крупными кровавыми камнями, и не в крошечном драгоценном гвоздике с головой чёрта на крыле носа, и не в толстой цепи с жутковатым амулетом и бесчисленных золотых перстнях, и даже не в сильной гетерохромии. Это шло откуда-то изнутри. Ловишь взгляд незнакомого человека и передёргивает от неясного страха.

– Шатуна ушатали! Кота замочили! – Зиновия Варфоломеевна хрипло закаркала. – Хвастаешься, детка?

Хвостикова замотала головой.

– Не знала, что писать.

– Дай руку.

Перевернув ладонь, охранница наклонила над ней перстень и, нажав большим пальцем на сверкающий рубин, брызнула из него несколько кровавых капель, сразу размешав ногтем по коже. Невесомая жидкость растеклась по бороздкам и заполнила линии на руке.

– Я...

– Забирай обратно!

Анастасия отдернула кисть, а красные линии остались на месте, повиснув в воздухе перед пальцами Зиновии Варфоломеевны. Она ловко перевернула алую паутину и цокнула языком.

– Ни хренашки! Абсолютно прямая судьба. Так чему тебя учить? Ты всё равно по-своему делать будешь.

– Чего делать?

– Всё! Против судьбы не попрёшь, а то хрен на лбу вырастет. Держи, детка! – Зиновия Варфоломеевна сунула визитку и распорядилась. – Сегодня в три. Опаздунов ненавижу, так что не вздумай. А пока выметайся, мне дежурство сдавать.

Хвостикова вышла на крыльцо, и дверь за её спиной хлопнулась. Она ещё несколько секунд хлопала глазами, но всё же взяла себя в руки и прочитала визитку: «77-й филиал ОТКП. Хворостовская Зиновия Варфоломеевна, наставник высшей категории. 125009, Москва, улица Тверская, 22М. Электронная почта po-war@otkp.ru».

Появилось навязчивое желание зайти в Интернет и проверить сайт. Анастасия даже потянулась за смартфоном, но отвлекли три коротких гудка от припаркованного у будки «Печать» синего мерседеса. В открытой двери торчал улыбающийся Семён, размахивая букетом. Не сдержавшись, она улыбнулась в ответ и подошла к машине.

– Тебя сдали бабки у подъезда. Сказали – сранья деловая упрыгала. Будь начеку. Пожилые женщины меня обожают.

– Может подождёшь, пока я состарюсь?

– Я лучше за этим понаблюдаю.

Он протянул букет.

– А эту старушку обаяешь?

Хвостикова обменяла цветы на визитку, но разглядев надпись, сноходец задрожал.

– Только не она!

– Что?

– Ну почему? – горестно спросил он у хмурого неба.

– Она, что...

– Да, лучшая, лучшая. Лучше во всей России не найдёшь, но Война невыносима.

– Кто? – не поняла Анастасия.

– Её так прозвали из-за отчества Вар-фаламеевна. Вар на английском война. Да и характер у неё под стать.

– Повезло.

– Как чёрному коту. Может в монастырь вернёшься?

Хвостикова покачала головой.

– Ладно! Тогда в качестве компенсации предлагаю обед.

– Давай, но в три я должна быть на Тверской, иначе...

– Война, – снова вздохнул Семён. – Уже угрожала? Терпеть не может, когда опаздывают. Будь поосторожнее, я даже заступиться не смогу, если что. Мы поругались прошлой зимой.

Открыв перед Хвостиковой дверь, он дождался, когда она сядет и аккуратно захлопнул.

– Она как раз из сильно-сильно припозднившихся. Проснулась уже под семьдесят. Хотя её могли разбудить и раньше.

– Почему же не разбудили? – заинтересовалась Анастасия. – Как вообще это становится понятно?

– Всё начинается со снов, – заводя машину, пояснил он. – Они становятся очень реалистичными. С деталями. Длинные, как хорошее кино. С предысторией, – они остановились на повороте, – и всегда от первого лица, никогда со стороны, всегда как будто своими глазами всё смотришь. А ещё всё остро чувствуешь: вкус, запах, прикосновения, боль...

Хвостикова поджала губы, чуть не подпрыгнула, когда по ушам резанул звон колокола и мимо пронёсся новенький сверкающий трамвай.

– Начинаешь путаться, где сон, а где реальность. А потом просыпаешься не в себе.

– Но откуда об этом узнаёт ОТКП? – уточнила она.

– Аура меняется, – сноходец покосился на неё, сворачивая на Звенигородское шоссе, но добавить так ничего и не успел, выскочивший неизвестно откуда гаишник замахал палочкой.

– Этому ещё что надо, – недовольно пробурчал Семён.

Он остановил свой мерседес и неохотно опустил стекло. А когда подошедший сотрудник полиции представился и попросил документы, недовольно спросил:

– Может, сразу денег?

Гаишник наклонился, прижав толстое пузо к двери маши-

ны и потянув носом, спросил:

– Хамим? Выходите! Есть подозрение на употребление препаратов, придётся пройти медицинское освидетельствование.

– Война не любит, когда опаздывают, – усмехнулся сноходец, – а нам ещё обедать.

Повернув перстень камнем вниз, он ловко стукнул полицейского по обширному животу. Раздался глухой гул, как от барабана, и поползли синие круги. Они опутали гаишника сиянием, как клубок змей и подсветили форму, поменяв её цвет на ярко-фиолетовый.

– Сам ты наркоман, – бросил Семён, закрывая окно.

Быстро набрав скорость, он через несколько сотен метров съехал на второстепенную дорогу и завилял между жилыми домами.

– Зачем ты так? – спросила Хвостикова.

– А ты его ауру видела? – проворчал сноходец. – Если бы он так умел, ещё бы не то сделал. Такие, как он жизнь бы отдали за наши возможности!

– Легко разбрасываться чужими жизнями, когда своих четыре.

– Это пословица? Не слышал. У меня их теперь не четыре... – начал он, но сам себя оборвал. – Извини. Давай лучше о чём-нибудь другом?

– Куда мы едем?

– Во «Внутри кошмара». Здесь недалеко на набережной.

Интерьер соответствующий. Для ознакомления с традициями – в самый раз. Как раз расскажешь мне о себе. А то я ничего не знаю. Ну, кроме того, что тебе мама Брюсова перед сном читала. Я, конечно, не специалист. Но это вроде не детский поэт. Она у тебя, что педагог или литературовед?

Анастасия минуту смотрела в окно, но потом всё-таки выговорила:

– Сумасшедший художник.

Перед глазами замелькали тени из пещеры Аида. А в ушах хрустнул напряженный голос: «Слышу, слышу шаг твой нежный, шаг твой слышу за собой».

– Не думал, что это больная тема, извини, – пробормотал Семён.

Он завернул в очередной пустынный двор, расчерченный бельевыми верёвками. Медленно проехал его насквозь и упёрся в железные ворота, почти скрытые полуголыми деревьями.

– Будь осторожнее, – предупредил он. – У нас слухи расходятся быстро. А твоя победа наделала много шума. Теперь все болтают, что твоя судьба найти истинную любовь...

– Мне уже говорили.

– Ты хоть представляешь что это значит? Выбрать своё предназначение. Твоё желание будет исполнено!

– Любое? – не слишком заинтересованно уточнила Хвостикова.

– Абсолютно.

– Тогда мне абрикосовый латте с безлактозной карамелью.

Он покачал головой и посигналил. Створки со скрипом разъехались. Узкая аллея утопала в жёлтой с окалиной листве. За голыми кустами скрывались статуи с непропорциональными руками и ногами, похожие на слонов с картин Дали. Витые скамейки вдоль тропинок торчали как гигантские человеческие пальцы. Даже урны скалились огромными черепами со срезанной макушкой.

– Здесь мило, – саркастично протянула Анастасия.

– Как на детском фильме ужасов.

Они выехали на асфальтированный пяточок, обрывающийся крутым склоном, падающим в реку. Набережную перегородил высывающийся из воды парусник. С пяти мачт сиротливо свисали оборванные закопчённые паруса. В смотровом гнезде покачивался скелет. А к распахнутым дверям, занявшим место пушечных люков в корме, тянулись хлипкие деревянные лестницы.

Сноходец остановился на парковке перед кораблем, вышел, распахнул дверь и подал Хвостиковой руку.

– Дальше будет интереснее, – пообещал он.

Вместо перил были грубые канаты, а дощатые ступени скрипели под ногами. В тёмных нишах у входа прятались скрюченные изваяния карликов. Впечатлений добавляла мистическая музыка Вангелиса сочащаяся из недр парусника.

В тёмном холле их встретил мертвенно-бледный администратор и, не сказав ни слова, повёл к столику. Он смотрел

только под ноги, вообще не поднимая глаз.

Трюм наполняла грубая деревянная мебель, полумрак и такие чадящие факелы, что Анастасия закашлялась.

– Можно в какой-нибудь уголок, чтобы дыма поменьше?

Администратор упрямо шагал по чёрному полу, словно кукла-марионетка, и отреагировал только когда Семён положил руку с зажатой купюрой ему на плечо. Деньги исчезли, а перед гостями открылся уютный закуток. Между деревянными столбами в распахнутый люк задувал ветер, но было тепло. К столешнице, накрывающей деревянный станок, когда-то служивший подставкой под пушку, прижимались две бочки с кожаными сиденьями и мягкими спинками.

Передав два увесистых тома меню, администратор степенно удалился.

– Приступим? – сноходец отодвинул импровизированный стул.

Хвостикова села, но расслабиться не могла. Постоянно оглядывалась, словно ожидая появления настоящих пиратов или ещё чего похуже. В небольшом зале стояли ещё три столика, но занят был только один. Два молодых парня, покрытых татуировками, громко спорили, чокаясь бокалами и разбрызгивая вино. Их раскрашенная кожа в пирсинге противоречила старинным нарядам с вышивкой и кружевами.

Она отвернулась, пытаясь найти хоть какую-то точку опоры, но меню расплывалось. Из-за игры теней всё казалось нереальным. Даже глаза Семёна мерцали, меняя цвет.

– Ты сказал, что Войну не хотели будить.

– Предрассудки, – коротко вздохнул он, не отрываясь от списка блюд. – Таких раньше считали ведьма. Думали, что и проснувшихся из них не получится...

– Я просто так не буду спорить! – завопили из-за спины.

Анастасия посмотрела через плечо.

– Хорошо, – зарычал парень с чёрным крестом через лоб и, вскочив, показал на неё пальцем. – Давай на неё!

– А мужик? – протянул первый с розами переплетающимися буквами «СЗН».

Крестonosец оскалился.

– В расход. Проигравший мочит. Выигравшему девка.

– Не уверен.

– Твой фантом из своего Бибирева не доберётся?

– Да пошёл ты.

– Давай! – взревел крестonosец.

Они упёрлись друг в друга решительными взглядами и подняли пистолеты. Чёрные револьверы угрюмо уставились в татуированные лбы.

– Смерть не наступит никогда.

– С три эН!

Выстрелы гулко прокатились по ресторану. Хвостикова взвизгнула от неожиданности, а вошедший официант испуганно посмотрел на трупы с развороченными головами.

– Что будете заказывать? – заикаясь, спросил он, оглядываясь в угол.

– Принесите два кофе, – попросил Семён и повернулся к бледной Анастасии. – Прости! Не думал, что так получится, у фанатиков обычно к вечеру обостряется.

– Зачем? – выдавила она.

Он протянул руку, накрыв её ладонь, но она дёрнулась и отклонилась назад.

Мёртвые тела быстро утащили бледные сотрудники ресторана. Мгновенно вымыли пол и прибрали за столом. Буквально через три минуты не осталось никаких следов, будто и не было двух сумасшедших.

У Анастасии тряслись колени. Аппетит окончательно пропал. Если кто-то от стресса объедался, ей кусок в горло не лез. Хотелось спрятаться и обо всём забыть. Она никогда не видела смерть, такую близкую, страшную и совершенно бессмысленную.

– Понимаешь, – сохраняя хладнокровие, попытался объяснить сноходец. – Для фанатиков жизнь игра, они не ценят тела. Для них всё «С» три «Н»! Смерть Не Наступит Никогда! Они восстанавливают фантомы с помощью жертвоприношений.

Хвостикова раздраженно молчала. С каждым следующим фактом новый мир приобретал всё более отвратительные черты.

– Мерзавцы есть везде, но большинство людей все же хорошие. Правильно? Проснувшиеся, которые тебе встречались до этого, берегут свою карму....

– Может, просто не знают других путей или боятся замарать руки? – перебила Анастасия.

– Ты так не думаешь, просто произошедшее тебя шокировало. А карма, штука серьёзная. Это понятие появилось в Греции после путешествия Пифагора на Восток. Его так и называли пифагорейским учением о переселении душ. Но ты лучше подумай о другом, если получишь желание, сможешь всё изменить.

– Если до этого меня не убьёт логос.

– Он не хочет тебя убивать, – мягко уверил Семён. – Когда-то он был на твоём месте. Тоже пошёл за судьбой и нашёл свою любовь. Они встретились ещё в Сурке...

– Где?

– Художественный институт имени Сурикова. Будущая богиня училась на реставратора, он на живописи. Они хотели изменить мир, сделать его лучше, но...

– И что? – вскрикнула Хвостикова. – Не получилось? Мерзавцам не нужен другой мир?

– Его вторая половинка погибла и он остался один.

– И что? – чуть спокойнее спросила Анастасия.

– Он стал слабее и несчастнее. На великие замыслы уже не осталось сил. Он не идеален, но никогда бы не пошёл на такое. Мы немного знакомы. Поверь, это не он. Может, тебе кто-нибудь угрожал?

Принесли кофе, и Хвостикова сердито уставилась в чашку. Белая пенка напоминала нежные облака Средиземномо-

рья. Но очень не кстати. К воспоминаниям о солнечной Греции не хотелось добавлять эти. Пить хотелось, но она не могла себя заставить. Глаза сами собой косились на столик в углу, где совсем недавно орали фанатики.

– Вчера после твоего ухода ко мне приходил Дон Кей. Он сказал, что больше не будет пытаться меня уничтожить...

Её перебил назойливый шум. Оттолкнув официанта, в зал влетел фанатик с крестом на лбу. Он почти не отличался от убитого, только вместо коротких волос голову покрывали та-туировки.

– Успел! – вскрикнул он.

К нему подошёл администратор.

– Вы должны оплатить счет. Услуги утилизации. Причи-нённый ущерб и беспокойство посетителей.

Не удостоив его даже словом, крестоносец воткнул ему в карман пиджака банковскую карточку и, закатав рукав кожаной куртки, с упоением посмотрел на дорогие часы.

– Рекорд!

Он продолжал ещё что-то орать, когда в зал вбежал второй, но, увидев приятеля, выругался.

Сноходец уверенно посмотрел на Анастасию и поднялся.

– Не будем доводить до... – начал он.

– Что, шкуру свою пожалел? – перебил крестоносец. – Или девка так сильно нравится?

– Очень, – улыбнулся Семён.

– Тогда давай так, мы её не тронем, ну а тебе пуля!

– Может, на кулаках...

– Да чего ты с ним разговариваешь, – завопил второй.

Хвостикова не успела разглядеть, что произошло. Начавший растворяться в воздухе сноходец дёрнулся и упал навзничь. На груди расплылось кровавое пятно.

– Чё такой нервный? – расстроился крестоносец, вырывая пистолет у приятеля. – На кой ляд стрелять без предупреждения? Нас больше сюда не пустят.

Уставившись на неестественно выгнувшееся тело Семёна, Анастасия тоже застыла. Ноги заледенели, будто она два часа проторчала на морозе. Сцепленные руки наоборот так покраснели, что готовы были лопнуть. А между ними возникла чёрная дыра в которую втягивалось тепло, радость и проклятый пиратский корабль вместе с бочками и столами. Всё стало таким нереальным и бессмысленным, что начало темнеть в глазах. Она ещё слышала, что администратор строго говорил:

– Немедленно покиньте ресторан. Вам запрещено появляться у нас в течение года любым из своих фантомов. Штраф придёт через ОТКП.

Но смысл слов не доходил. Из жуткого ступора вернул телефонный звонок. Хвостикова автоматически вытянула мобильник из сумки, нажала на приём и приложила к уху.

– Я в порядке, но тебе надо вызвать такси, чтобы не опоздать на занятия.

– Как ты можешь так спокойно? – прошептала она, но го-

лос сорвался, не дав закончить.

– Привык, – после паузы ответил сноходец. – Ты тоже...

– Ни за что!

– К сожалению, от тебя это не зависит.

Анастасия зло посмотрела на телефон.

– А от кого? – выкрикнула она.

– От судьбы.

– Пошёл ты со своей судьбой! Наши пути расходятся, – выкрикнула она. – Больше не хочу смотреть, как тебя убивают.

– Согласен, – вяло проговорил Семён. – Наши встречи приносят только несчастья. Будь осторожна, но на занятия лучше не опаздывай.

Он разорвал соединение, и ей пришлось зашипеть сквозь зубы, чтобы не грохнуть смартфон об пол.

Татуированных фанатиков вывели. Администратор извинился, сообщив, что все расходы за счёт заведения и любезно вызвал такси.

Через десять минут Хвостикова уже сидела на заднем сиденье жёлтой иномарки с чёрными полосами. Молчаливый водитель спросил «не мешает ли радио» и больше не произнёс ни слова. Адрес ему сообщили заранее.

Самое глупое, что она чувствовала себя виноватой и совершенно разбитой. Хотелось, чтобы всё вернулось обратно. Простая спокойная жизнь, но вместо этого каждый следующий день только сильнее затягивал её в пучину нового мира.

Вспомнились слова Дон Кея: «Вы сами хотели проснуться! Чтобы жизнь стала ярче и интереснее».

– Вот и получила, – прошептала она.

Машина остановилась на Тверской. Центр Москвы, как всегда, кипел, переполненный людьми.

Пробормотав казенное «спасибо», Анастасия взглянула на номер дома. Тот самый. Старая зелёно-голубая развалина рядом с современным офисным центром выглядела жалко. Её теснили со всех сторон, но она ещё как-то держалась. Бросала свой последний вызов жестокой действительности и видно собиралась развалиться по собственной воле. Хвостикова уже дошла до зеркальной двери, но остановилась.

– Да пошли вы все! Не хочу так жить, и не буду, – она повернулась и зашагала к подземному переходу.

Тянуло на Патриаршие пруды. Ей нравилось сидеть у воды и кормить лебедей. Особенно, когда удача поворачивалась спиной, а душу разрывало на части.

От успокаивающих мыслей отвлѣк раздражающий сигнал телефона. Анастасия поднесла трубку к уху.

– У тебя проблемы с пунктуальностью? – прорычала Зиновия Варфоломеевна.

– Откуда у вас номер?

– Из анкеты. Я ненавижу ждать!

– А я не хочу жить по вашим правилам!

– Не будешь приходить вовремя?

– Сделайте так, чтобы я снова уснула. Верните мою жизнь.

Без сумасшедших фанатиков! – закричала Хвостикова, остановившись посреди улицы.

Прохожие обходили её стороной. Глядя кто с сочувствием, кто с недовольством.

– Ты не в себе? Что случилось? Они тебя обидели? Приходи, поговорим!

– Нет!

– Хорошо, – не стала спорить Зиновия Варфоломеевна. – Только не наделяй глупостей. Ты ещё многого не знаешь.

– О чём? Что можно безнаказанно убивать? Платишь штраф и пали в кого хочешь? Знаю, видела! – Хвостикова так распалилась, что её трясло. – Ваш мир отвратителен. Верните обратно мой!

– Это не в моих силах. Я только могу научить тебя выживать. Или ты уже не хочешь жить?

– Хочу, только не так.

– Ты далеко?

– Нет.

– Тогда заходи. Мы просто поговорим.

Анастасия с сомнением взглянула на зелёно-голубой осколок прежних времён пригнувшийся перед стеклянными боками соседей.

– Пообщаемся, как подруги, – предложила Зиновия Варфоломеевна. – Я даже забуду про опоздание.

Хвостикова сделала несколько шагов назад, но снова замерла, прислушиваясь к прокуренному голосу в телефоне:

– Ты не первая, кому так плохо. Поверь, мне было намного хуже. Только одной пережить всё это намного сложнее.

– Только поговорим, – пробормотала Анастасия и нажала отбой.

Она вернулась к дому 22М и открыла зеркальную дверь. Внутри притаился невозмутимый охранник. Просто стоял и смотрел, пока она не сунула ему в нос визитку.

– Второй этаж. Справа кабинет 777, – сухо проговорил он.

Взбежав по мраморной лестнице, она распахнула массивную дверь и ввалилась в небольшой кабинет с высоким потолком. За рядами парт на громоздком столе, закинув ногу на ногу, сидела женщина в чёрном хитоне в пол с самой скромной геометрической вышивкой. Она курила сигарету в длинном мундштуке и медленно выпускала кольца дыма. Хвостикова не сразу узнала охранницу из центра занятости, так сильно макияж и одежда её поменяли. Хотя та самая «белая кость» никуда не делась, а только сильнее проступила.

– Новый мир пугает? – прокряхтела Зиновия Варфоломеевна. – Хочешь получить ответы?

– Как стать прежней? – спросила Анастасия от двери.

– Пройди, детка. Не орать же нам через весь класс?

Хвостикова подошла ближе, встав у первой парты, и тогда наставница продолжила.

– Найди истинную любовь. Объедини семь фантомов. Получи заветное желание и будешь, кем хочешь.

– По другому никак.

– Никак!

– Что для этого надо?

Наставница усмехнулась и подавившись дымом, закашлялась.

– Я не хочу так жить, – отрезала Анастасия.

– Почему?

Подробности происшествия в ресторане вылетели из неё, как та злосчастная пуля. Она не упустила ни кровавых деталей, ни телефонного разговора.

– С почином, – бросила Зиновия Варфоломеевна, вытащила окурок из мундштука и затушила в пепельнице. – Никто не хочет взрослеть, но так устроена жизнь!

Хвостикова упрямо сжала губы, но наставница всё равно продолжила:

– Мир жесток, а ОТКП – это концентрат. Здесь всё намного хуже. Мерзавцев оно быстро превращает в скотов. Не важно, фаталистов или фанатиков. По природе своей все одинаковые. А безнаказанность из ангела делает чёрта. Если нельзя умереть по-настоящему, и жить по-настоящему не хочется.

– Да кто такие эти фанатики? – не выдержала Анастасия.

– Те же фаталисты, только в профиль! Одни прикидываются волками, другие овцами, но если содрать шкуры...

– Разницы нет?

– Пробуждение предсказывают провидицы. Потом проводится ритуал пробуждения...

– Но меня...

– Не болтай! Тебя логос запретил будить.

– Почему?

– Услышал про твою судьбу и взбесился, – Зиновия Варфоломеевна скривилась. – Варвара лишилась фантома, а я месяц ожоги лечила.

– Вы знакомы?

– Нас не так много.

– Вы знаете Дон Кея?

– Он главный фанатик. Тощий, хитрожопый задавака с гигантским самомнением. А если копнуть его поглубже, там сплошные комплексы. Но злющий, как полсотни шатунов, так что лучше его не доводить. Они все чокнутые, для них смерть служанка...

– А если бы у моего друга не осталось ни одного фантома? – пробормотала Анастасия.

– Аура бы показала...

– Какая аура? Он тоже о ней говорил.

– Ты что, ауру не видишь? На это способны даже не проснувшиеся, – наставница стянула со стола чистый лист бумаги. – Приложи руку и смотри рассеянным взглядом, не моргая и не отводя глаза. Сосредоточься.

Хвостикова уставилась на свои пальцы. Вскоре вокруг ладони появилось слабое алое сияние.

– Ну и что? Вижу красное...

– А ты что хотела? Сразу всё увидеть? Великую любовь,

свою судьбу и суженого-ряженого? Потренируешься, начнёшь видеть больше.

– Но...

– Фанатики ничего не ценят, – оборвала её Зиновия Варфоломеевна, – кроме своего раздутого эгоизма. Хотя к этому сейчас склонны все. Убей они фаталиста без фантомов, вмешался бы геронт. Такое не остаётся безнаказанным. Уж в чём в чём, а в этом логоса не упрекнёшь.

– А в чём можно? Что ему очень плохо? – съязвила Анастасия.

– Кому? – опешила наставница.

– Он ведь единственную потерял...

– Он сам её довел. Вот она и понажелала. Он себя не контролирует! Довёл и руки опустил. Из-за него по улицам нечисть бродит.

– Шатуны? – пискнула Хвостикова.

– Логос – закон бытия. Но без любви, он ничто, – Зиновия Варфоломеевна достала ещё одну сигарету и прикурила. – Наше общество пошло ещё с Древней Греции. Так вот и прижились все эти словечки. Некоторые до сих пор – эфир говорят. А у греков было 8 видов любви, – она выпустила кольца дыма, пролетевшие одно в другое. – Эрос – страсть и удовольствие. Филия – дружеская любовь. Агапэ – любовь к ближнему. Сторге – родительская. Мания – одержимость. Людус – влюблённость. Но все они ничто – без филаутии.

– Это ещё что? – поморщилась от лекторского тона Ана-

стасия.

– Любовь к самому себе. Пока жила его богиня, он был целым и всесильным. Но она погибла. Он ослабел и перестал защищать наше бытие. Он больше не закон, а только его исполнение.

Зиновия Варфоломеевна недовольно стряхнула пепел.

– В ней было всё. Всё вообще всегда в женщине. Мы творцы. А они... без неё, он так и останется полубогом.

– Вы были знакомы?

– Ненавижу его, – наставница выпустила дым. – Не думай о нём, он этого не заслуживает. Оберег тебя защитит. По крайней мере, пока. Остальному я научу. Получишь своё желание и свергнешь этого выскочку.

– А Дон Кей? Он угрожал...

– С этим я разберусь, лучше думай о другом.

– И как мне искать эту истинную любовь? – поморщилась

Анастасия.

– Давай по порядку, – отмахнулась Зиновия Варфоломеевна. – Как учиться вычислять интегралы, если складывать не умеешь? Закончим, если у тебя нет вопросов...

– Зачем вы работаете охранницей?

Наставница затрясла сигаретой так, что пепел разлетелся во все стороны, но так и не попал в пепельницу.

– Это не я, а мой фантом. А я могу выбрать подходящих учениц.

Хвостикова сделала шаг вперёд.

– Почему вас не хотели будить?

– Тоже дру-ууг рассказал? – Зиновия Варфоломеевна поморщилась и показала пальцем на свой голубой глаз. – Ведьма! – ледяным тоном протянула она. – Раньше считали, что от нас слишком много проблем, и не будили, суеверные идиоты. Поэтому сейчас я еле хожу и разгибаюсь. Достаточно? – она кряхтя, съехала со стола и встала, склонившись на один бок. – Или всё ещё думаешь, что это у тебя проблемы? Я ненавижу ОТКП намного больше. Хочешь из него выбрать-ся, научись как.

Она повернулась и медленно захромала к вешалке со своим пальто.

– Решать тебе. Придёшь завтра? – донеслось из угла.

– Я подумаю.

Хвостикова вышла из класса и спустилась по лестнице. Улица уже сверкала огнями. Фасады светились жёлтым и голубым, рекламные щиты пёстрым, а табло синим. Город пытался поразить людей, соблазнить, заманить, обмануть и подчинить. Но недавно проснувшаяся не замечала расставленных силков и перешагивала через ловушки. Она больше не спала, и не смогла бы заснуть, даже если бы очень хотела.

Переполненное метро только усилило отчужденность. Ей там больше не было места. Она стала чужой. Случайные прохожие смотрели на неё, как на теневика. Со смесью брезгливости и страха. Но когда она добралась до дома, стало ещё хуже. Входить в безжизненный подъезд было невыносимо.

Она еле заставила себя подняться по лестнице, но парализовано замерла перед дверью своей квартиры. На дверной ручке зловеще покачивался чёрный непрозрачный пакет.

Хвостикова затаила дыхание. Сделала неуверенный шаг. Ещё один. Тяжёлые ноги сопротивлялись подъёму. Каждая ступенька давалась с трудом.

– Ну почему я? – простонала она. – Хватит! Я больше не могу.

Несколькими этажами выше что-то заскрипело. Пакет перестал раскачиваться и затих, будто прислушивался. Но когда по лестничному пролёту прокатилось эхо захлопнутой двери, начал качаться вновь. Хвостикова выдохнула и сдёргнула его с ручки. Остервенело рванула за края и с ненавистью уставилась на деревянный прутик скрученный кольцом. Его оплетали засохшие красные цветы, покрытые лаком. Рядом лежала неровно оторванная картонка с надписью: «Венок Гипноса для тебя. Семён».

Выругавшись сквозь зубы, Анастасия отперла замок и прошла в прихожую. С мстительным удовольствием хлопнула дверью и сбросила отяжелевшие сапоги. Умылась, отёрла руки, по инерции таская пакет подмышкой. И только когда дошла до комнаты, зашвырнула его на тумбочку у кровати. Быстро переделась и с головой залезла под одеяло.

Она думала, что ни за что не уснёт, полежит немного и примет душ. Может быть, выпьет кружку чая или даже съест йогурт. Так и ворочала неподъемными мыслями, пока не

пригрелась. Тогда мысли размякли и растеклись склизкой кашей. Покачивались, как тихие волны у причала, что-то шептали. Настолько монотонно, что даже начали поскрипывать.

Потемнело. Сквозняк трепал волосы и доносил затхлый запах подземелья. Начало разгораться золотистое сияние арфы, но прежде чем она подпала под его чары, что-то ткнулось в бок и отпихнуло в сторону. Крепкая рука потянула подальше от обжигающих переливов раскалённой подковы. Совсем другая рука, не такая холодная и жесткая, как у бездушного Орфея. Да и пыхтение было слишком знакомым.

– Хватит! – закричала Хвостикова. – Убирайся! Я от тебя устала. Ты теперь и в сон залез.

Она попыталась освободиться, но держали крепко, продолжая тащить куда-то в темноту, подальше от волшебных переливов арфы.

– Прости, после пережитого сегодня, я боялся, что этот сон вернётся. Это же мир смерти, Аид. Неужели ты не понимаешь? Если застрянешь здесь, погибнешь и там, снаружи. У нас всё взаимосвязано. Такие видения нельзя оставлять без присмотра...

– Нет никакого Орфея, – сдавленно зарычала Анастасия.

– Может и так, – не стал спорить Семён. – Но тут нельзя находиться...

– Ты теперь будешь говорить, какие мне сны смотреть? – её голос стал ниже и в нём зазвенел металл. — Ты вообще

кто?

Сноходец не ответил. Шурша в темноте, он наконец нашупал ответвление туннеля и облегченно вздохнул. Они выбрались под тусклую лампочку, покачивающуюся над головами.

– Это ещё что значит? – вздрогнула Анастасия.

– Чтобы всем этим управлять, надо разобраться со старыми проблемами, – бросил он. – Почему эта тема для тебя такая больная? Какую утрату ты понесла?

Он открыл непонятно откуда появившуюся дверь с потрескавшейся лакированной поверхностью.

Хвостикова сглотнула. Внизу притаился нарисованный карандашом котёнок, а ближе к косяку начинались деления и возрастные отметки. Когда измеряют рост, ни в коем случае нельзя двигаться, но сноходец втолкнул её в комнату.

Детская совсем не изменилась. Раскладной диван книжка, трюмо, секретер с откидным столом и ковёр на полу. Как всегда, с одним загнутым углом. Он так замялся, что осталась белая полоса. А в центре ромбовидного рисунка, как заведённый по кругу ползал рыжий хомяк с точно такой же белой полосой на спине.

– Как? – с трудом выдавила она.

Над ковром подрагивали занавески. Нежно изгибались, пытаясь погладить рыжую спину с белой полоской, но не достигали. Их невесомые края так натянулись, что прогнулась вся рама, вместе с открытым окном. Стекла не выдер-

жали давления, хрустнули, но не треснули, а надулись прозрачным пузырьём.

– Другого выхода нет... – попытался сноходец.

Она упала на колени, но прикоснуться к своему детскому питомцу не смогла. Её ноздри раздулись, а глаза так засверкали, что в комнате стало светлее.

– Рыжик умер, когда мне было десять. А мамуня сделала пятьдесят фотографий, прежде чем спустить его в унитаз. Я увидела их, когда вернулась из школы. Как тебе такой выход? Убирайся из моего сна!

– Твоей вины в этом нет, – снова затрепетали занавески.

– Больше не пытайся меня дурить. Ваш мир ад! Я хочу вернуть всё как было!

По щеке побежала слеза.

– Я до сих пор вижу твою кровь на асфальте. Татуированных уродов стреляющих друг в друга...

– Я смогу тебя защитить!

Анастасия скривилась.

– А кто защитит тебя? Я забыла закрыть клетку, – её голос задрожал, – мои близкие умирают. Все без исключения. Даже дурацкий хомяк.

– Но нельзя всегда быть одной и только в мечтах...

– Можно! – отмахнулась она.

Занавески отлетели к окну и поникли. В них не осталось прежней жизни, только пустая инерция. Свет в комнате потускнел, обои выцвели и даже ковёр растерял остатки до-

машнего уюта, превратившись в сборник микробов и пыли. И только в центре ромбовидного рисунка механически крутился рыжий ком шерсти, раскручивая безжалостную спираль времени.

Глава 4. Обряд посвящения

Она лежала, глядя в потолок. Обычно утром всё забывалось, но только не в этот раз. Сон вернул её в прошлое. Во времена которые не хотелось вспоминать. Когда мамуня застала её ревущую над фотографиями, то сказала, что смерть приходит за всеми. За хомьяками быстрее, за людьми медленнее. Но она в любом случае не опаздывает и ни про кого не забывает. Её нельзя подкупить или задобрить. Лучше смириться с этим ещё в детстве, чем обманывать себя глупыми надеждами всю жизнь.

– Смерть Не Наступит Никогда! – пробормотала Хвостикова, встряхнула головой и окончательно проснулась.

С сомнением взглянула на календарь с котиками прищипленный к двери. Воскресенье! Остался последний день перед работой. Она разблокировала телефон и сняла с режима сна. Сразу же зазвенел навязчивый рингтон принятого сообщения.

– Теперь твоя задница моя, – прочитала она и нахмурилась.

Смска пришла от Кириллы в полночь.

Анастасия подскочила и забарабанила по кнопке включения ноутбука. Переложила его с тумбочки на колени и начала водить курсором по экрану, будто это могло ускорить загрузку. А когда наконец проскочило приветственное окно,

заметалась по ссылкам пока во весь экран не выскочило сообщение: «В доступе к проекту отказано. Ваших прав недостаточно. Обратитесь к системному администратору».

– Сукин сын, – прошипела Хвостикова и схватилась за телефон.

Долгие гудки сверлили уши, но на них так никто и не ответил. Она набрала ещё раз, но результат остался прежним. Даже зубы закрипели от разочарования. А когда пискнуло пришедшее голосовое сообщение, Анастасия чуть не выронила мобильник и с трудом нащупала кнопку проигрывания.

– Мне жаль, – скупой выдал динамик бесчувственным голосом Клары Архиповны, – но на таком важном проекте должен быть надёжный человек.

И всё! Больше ни единого словечка. Хвостикова встряхнула волосами.

– Этого не может быть.

Она сильнее затрясла головой. Надо выкинуть из неё упаднические мысли. Опускать руки – нельзя. Останавливаться – нельзя! Сдаваться – нельзя... Анастасия так сжала челюсть, что зубы закрежетали. Ещё немного и она превратится в мамуню. Вот этого точно допустить нельзя. Надо собраться.

– Сегодня в офис ехать бесполезно, – спокойно, но слишком уверенно проговорила она.

Легла обратно на кровать и даже закрыла глаза. Вот только напускное равнодушие не помогало. Слишком много было

вложено. А сколько времени потрачено... Впустую? Захотелось выть. Неужели о повышении придётся забыть? Столько усилий и всё зря? От неё больше ничего не зависит?

Хвостикова заёрзала и с ненавистью уставилась на мобильник.

– Не дожدهшься, бесчувственная сука!

Она отвернулась от него, продолжая бормотать, что её так просто не сломать, что она ещё повоюет, и пожилая женщина с чёрно-белой фотографии ей подмигнула.

– У, ведьма, – со злой улыбкой пробормотала Анастасия. – Снимки не моргают, даже такие правдивые. Это всё твоя гетерохромия. На бесцветном кажется, что один глаз сильно темнее другого, вот и получается обман зрения. Но я не куплюсь, я сама решу, что правда, а что нет.

Она поднялась и заставила себя пойти на кухню. После легкого завтрака, захотелось всем им показать. Поэтому она навела немного лоска: подкрутила волосы, подкрасила глаза и начала улыбаться себе в зеркало. Мамуня такое бы не одобрила, но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Неброское, но элегантное платье было отброшено. Пусть в таких ходят проснувшиеся. Эти старые девы, наверное, уверяют друг друга, что в незнакомой компании надо держаться тренда. У Анастасии сегодня другое настроение. Она вытащит из себя самых наглых демонов.

Она засунула руку в дальний угол шкафа и выудила вешалку в полиэтиленовом пакете. Тёмно-красное, как осен-

ние листья, платье-карандаш, как будто бы удивилось освобождению. Длинная молния, начинающаяся от декольте, аж разошлась до самой талии.

Хвостикова невольно оглянулась на чёрно-белую фотографию воплощения гетерохромии и, не сдержавшись, показала язык.

– Все вы у меня получите, – пробормотала она, проскальзывая в платье.

Теперь придётся ещё влезать в длинные сапоги, чтобы в такую погоду, это хоть как-то смотрелось. Она заставила себя долго не возиться, накинула пальто и всё-таки выпорхнула вовремя.

Дорога пролетела незаметно. Сегодня всё было по-другому. Даже старинный зелёно-голубой особняк больше напоминал подсохший, но ещё праздничный торт. Анастасия поздоровалась с охранниками и, махнув визиткой, поднялась на второй этаж, на ходу расстегнув пальто, чтобы было видно то, что она подготовила. Распахнула дверь и ошарашенно остановилась на пороге класса. На неё заинтересованно смотрели три пары глаз. Девушка со стрижкой «Пикси» на выбеленных волосах, затянутая во что-то коричневое с немислимыми оборками и нафталиновыми кружевами. Парень с зачёсанной в хвост чёрной гривой благородно ниспадающей на строгий чёрный фрак. И ещё один молодой человек. Он то и заставил Хвостикову глупо застыть в дверях. Над обычной белой рубашкой, заарканенной чёрным узким

галстуком, начинался острый подбородок, слегка приподнятые уголки губ и смешливые ямочки на щеках. Продолжалось всё красивым ровным носом и прищуренными глазами с чуть заметным азиатским разрезом. А завершалось тёмными бровями и копной неподатливых волос, не слишком длинных, но и не коротких.

– Брысь, – пробормотала она, но справившись с собой, громко произнесла. – Доброе утро! Меня зовут Анастасия.

Представились все трое, но Хвостикова услышала только Денис. Её упрямое видение поднялось и отвесило шуточный поклон.

– Не ожидали поутру такое чудо. Чуть не забыли о приличиях. Все новенькие проходят обряд посвящения.

– Скелет поцеловать или фикус стырить из кабинета директора? – поддержала игру Анастасия.

Денис скривился.

– ОТКП – не детский сад. Нас мало, поэтому отношения близкие, – он театрально подался вперёд, – почти интимные, – и игриво покосился на барышню со стрижкой «Пикси», дождался, пока она хихикнет и продолжил. – Между нами не должно быть недопонимания и преград. Раздевайся!

Хвостикова смотрела на него, чуть склонив голову. Вот тебе и настоящая любовь. Клоун и трепло? Хотела усомниться, что именно его видела во сне перед тем, как попасть под трамвай, но не могла. Это был именно он, а Семён всего лишь похож. Тут то наглые демоны и полезли наружу.

– Давай! – вызывающе предложила она. – Только в интим в одиночку не играют. Раздеваемся одновременно.

Парень с хвостом не обращал на их болтовню внимания, что-то упорно чертя в блокноте. А вот Пикси следила, открыв рот.

Денис пожал плечами и правая сторона рта поднялась в полуулыбке.

– Как скажешь, моя кирия.

Он быстро распустил галстук и начал медленно расстёгивать рубашку. Анастасия не спускала с него с глаз. Пыталась рассмотреть что-то за напускной шелухой. За масками парней из видений и ополоумевшего кота. Неужели её судьба такая? Рука сама чуть надавила на молнию на платье, чтобы игра не остановилась раньше времени, но недовольный голос заставил вздрогнуть.

– Такого у меня ещё не было! – проворчала наставница за её спиной. – Быстро по местам, стриптизёры недоделанные!

Она прошла за массивный стол и поставила не него свою сумку.

Денис застегнул рубашку и сел. Хвостикова поправила платье и тоже прошла за парту, бросив на соперника уничтожающий взгляд.

– Сегодня краткий экскурс в историю, – с натугой прохрипела Зиновия Варфоломеевна, доставая из сумки огромные песочные часы. – Поможет мне ревнитель обрядов, Корнеев, – она всё-таки установила изогнутую стеклянную колбу

и выдохнула.

– Это не опасно? – заволновался парень с хвостом, с подозрением рассматривая старинное устройство.

– Расслабься, – поморщилась наставница, но он всё же пересел за заднюю парту.

– Титаны создали человека, но не смогли дать ему никаких особых качеств, всё раздали животным. Тогда Прометей украл огонь творения и отдал людям, но пользоваться им, научить не успел. А жаль. Благодаря этой божественной субстанции человек способен пожелать всё, что захочет. Естественно, такие способности не понравились богам. Прометей поплатился за свою глупость, а у людей попытались отнять его дар. Но это оказалось не просто. Он разделся между фантомами, и смерть одного из них, никак не влияла на остальных, – наставница поморщилась. – Потом один известный в то время жрец добрался до горы Прометей и всё-таки получил от него заветные знания, став первым проснувшимся. У него появилось много учеников и последователей. Правда они в большинстве своём занимались всякой хернёй! Посвящали новеньких и бессмысленно прожигали жизнь, будто фанатики, – она недовольно зыркнула на Дениса. – Боги решили погубить выскочку. Да, Корнеев, их никто не любит. Но он уже научился использовать эфир... то есть энергию и какое-то время скрывался во снах. Его сила росла, пока не достигла полного контроля над фантомами, но желать всё, что захочет, он так и не научился...

Парень с хвостом снова рисовал в блокноте, а Пикси отстранено играла с бантом на платье.

– Проинформируй новенькую, Корнеев, какие самые известные последователи жреца, – глянув на песочные часы, Зиновия Варфоломеевна рассеянно уставилась в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.